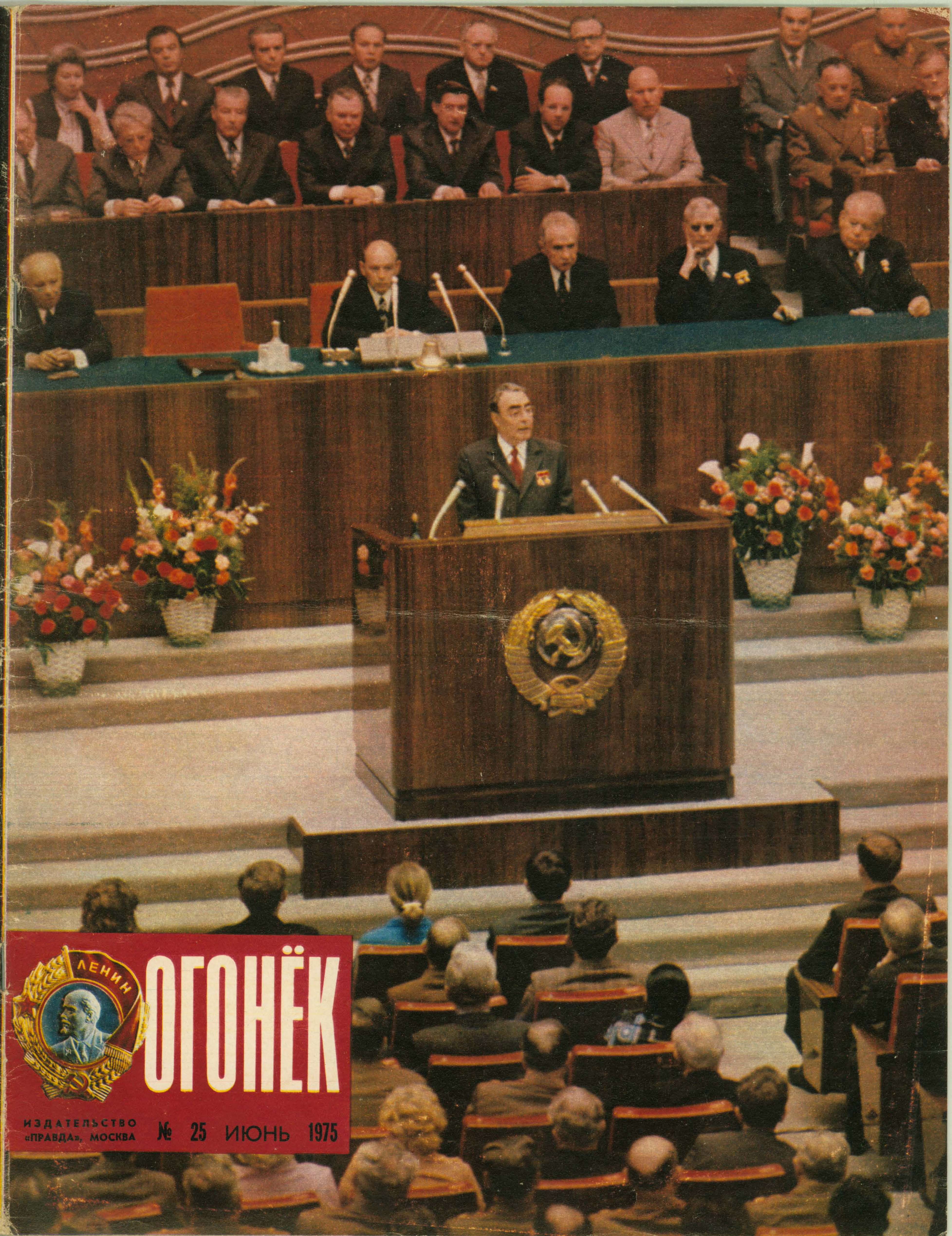

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 25 ИЮНЬ 1975

ВО ИМЯ МИРА И СЧАС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 25 (2502)

21 ИЮНЯ 1975

«Все, что делает наша партия в области внешней политики, направлено на обеспечение мира и безопасности советского народа и народов братских социалистических государств, укрепление всеобщего мира. Все, что делает наша партия в области внутренней политики, направлено в конечном счете на улучшение жизни советского народа.

Москва, 13 июня. Кремлевский Дворец съездов. Встреча избирателей Бауманского избирательного округа столицы с кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР товарищем Л. И. Брежневым.

Фото А. Гостева, С. Смирнова и А. Стешанова.

ТЬЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Недалек уже XXV съезд нашей партии. Советский народ живет под знаком подготовки к этому важнейшему событию. Можно с уверенностью сказать, что предстоящий съезд наметит новые важные рубежи на пути к великим целям, за которые борется наша партия, достижению которых мы отдаем все свои силы».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы.

В Кремлевском Дворце съездов 13 июня состоялось предвыборное собрание избирателей Бауманского избирательного округа Москвы, посвященное встрече с кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Леонидом Ильичом Брежневым.

Участники собрания бурными аплодисментами встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Предвыборное собрание открыл первый секретарь Бауманского райкома КПСС В. Н. Макеев.

Слово предоставляется доверенному лицу кандидата в депутаты — шлифовщику завода счетно-аналитических машин, ударнику коммунистического труда В. В. Пушкареву, который

Москва, 15 июня. Товарищи Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин на избирательных участках.

Москва. На избирательном участке № 19 Бауманского избирательного округа.

рассказал собравшимся о партийной, государственной и общественной деятельности Л. И. Брежнева.

Затем выступили директор Московского научно-исследовательского телевизионного института, лауреат Государственной премии СССР С. В. Новаковский, учительница школы № 325 Бауманского района М. Н. Соколова, бригадир слесарей строительного управления № 68 треста «Моссантехстрой-3», кавалер трех орденов Славы И. С. Герасимов, студентка Московского высшего технического училища имени Баумана Л. М. Потеряхина. Они подчеркнули, что во время избирательной кампании с новой силой проявились полная поддержка и всенародное одобрение внутренней и внешней политики Коммунистической партии, многогранной, целеустремленной деятельности Центрального Комитета КПСС, его Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

На собрании с речью выступил Л. И. Брежнев, встреченный бурными, продолжительными аплодисментами.

Речь товарища Л. И. Брежнева с глубоким интересом и огромным вниманием слушали миллионы людей в нашей стране и во многих государствах мира. Предвыборное собрание транслировалось всеми радиостанциями и телевизионными центрами Советского Союза, передавалось по системе «Интервидение», космической системе «Орбита» и системе «Восток».

Встреча избирателей с товарищем Л. И. Брежневым с новой силой продемонстрировала нерушимое единство партии и народа, еще раз подтвердила единодушное одобрение и горячую поддержку советскими людьми мудрой внутренней и внешней политики Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета, Политбюро ЦК КПСС.

Фото А. Гостева, М. Скурихиной и В. Воронина.

ЗА НАШУ РОДНУЮ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

По всей стране прошли выборы в Верховные Советы союзных, автономных республик и местные Советы депутатов трудящихся.

Состоявшиеся выборы вновь продемонстрировали патриотическое единодушие миллионов тружеников, подлинных хозяев родной страны, их высокую гражданскую активность. Дружно отдавая голоса за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных, они выразили глубочайшее доверие, полную поддержку внутренней и внешней политики партии, плодотворной и неустанной деятельности ее ленинского Центрального Комитета.

Блок коммунистов и беспартийных одержал новую замечательную победу — в Советы избраны достойные посланцы народа, его лучшие сыны и дочери.

Киев. Бюллетени получают избиратели Ленинградского района столицы Украины.

Ленинград. Одной из первых по Политехническому избирательному округу № 107 проголосовала семья члена КПСС с 1915 года, Героя Социалистического Труда В. П. Виноградова.
Фото А. Бочинина, В. Самохоцкого (ТАСС) и С. Смольского (ТАСС).

ПОБРАТИМЫ

Москва и Киев, Волгоград и Свердловск, Гомель и Чернигов, Тула и Владимир, Саратов и Ужгород стали в эти летние дни местом встречи советской и чехословацкой молодежи. Вот уже несколько лет комсомол и Социалистический союз молодежи Чехословакии проводят Дни дружбы — яркие и деловые встречи молодежи. Дважды они состоялись в ЧССР. Эта третья встреча, посвященная 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и 30-летию освобождения Чехословакии Советской Армией, состоялась на нашей земле. В программе Дней дружбы были семинары по обмену опытом, встречи с ветеранами партии и комсомола, участниками боев за освобождение Чехословакии, совместные воскресники, конкурсы профессионального мастерства и спортивные состязания.

...Кажется, только вчера все собрались на торжественное открытие Дней дружбы, и вот заключительный митинг во Дворце культуры «Украина» в Киеве. К участникам митинга обратился член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий, который огласил приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. «Нас радует,— говорится в нем,—

НА ПУТИ К ВЕЛИКИМ

Вся печать мира широко комментирует речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы.

БУДАПЕШТ. «Речь Генерального секретаря ЦК КПСС вызвала особый интерес во всем мире. Основной вывод этой речи состоит в том, что имеется возможность дальнейшего углубления разрядки, и СССР сконцентрировал свои усилия именно на этом».

«Непсабадшаг».

УЛАН-БАТОР. «В глубоко содержательной, яркой речи Л. И. Брежнева конкретно отражены огромные достижения героического советского народа в коммунистическом строительстве, замечательные победы миролюбивой внешней политики КПСС и правительства СССР». **«Унэн».**

ГАВАНА. «Л. И. Брежнев говорит: Советский Союз, его Коммунистическая партия и весь советский народ решительно и последовательно выступают и будут выступать за оздоровление международного климата».

«Гранма».

ВАШИНГТОН. «Л. И. Брежнев привлек внимание к опасности создания новых видов разрушительного оружия и призвал ведущие державы наложить запрет на его разработку. Генеральный секретарь ЦК КПСС предложил также, чтобы СССР и США содействовали заключению международного соглашения на этот счет».

«Вашингтон стар-ньюс».

НЬЮ-ЙОРК. «Л. И. Брежнев говорил с оптимизмом об урегулировании с Западом, выразив уверенность в том, что «в ближайшем будущем вполне могут быть сделаны новые крупные и реальные шаги к более стабильному и здоровому миру в Европе и на всей нашей планете».

«Нью-Йорк таймс».

ПАРИЖ. «Л. И. Брежнев обратился с трибуны Кремлевского Дворца съездов ко всем народам мира, ко всем правительствам, и в особенности к великим державам, с настоятельным призывом оградить человечество от новой и серьезной опасности: создания еще более ужасного оружия, чем ядерное...

Советский Союз приглашает Соединенные Штаты, великие державы и другие заинтересованные страны незамедлительно выработать соглашение. Такое соглашение возможно, как это доказывают уже заключенные двусторонние или многосторонние соглашения о предупреждении ядерного конфликта, об ограничении стратегического оружия, о запрещении некоторых типов вооружения, таких, как бактериологическое оружие, о запрещении ядерных испытаний в различных сферах».

«Юманите».

ЛОНДОН. «В своей речи Л. И. Брежнев затронул широкий круг вопросов. Он заявил, что Советский Союз будет активно и настой-

Обмен опытом

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев принял группу ответственных партийных работников Коммунистической партии Чехословакии, прибывшую в Советский Союз для ознакомления с опытом партийной работы.

На беседе присутствовал член ЦК КПЧ, Чрезвычайный и Полномочный Посол ЧССР в Советском Союзе товарищ Ян Гавелка. С советской стороны присутствовали члены ЦК КПСС тт. К. У. Черненко и К. В. Русаков.

По поручению Президиума ЦК КПЧ и президиума ЦК Национального фронта ЧССР товарищ Я. Гавелка вручил Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу памятную медаль по случаю 30-й годовщины освобождения Чехословакии Советской Армией.

На снимке: во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна. ТАСС

что Ленинский комсомол и Социалистический союз молодежи, молодое поколение наших стран достойно продолжают великое революционное дело, вносят свой вклад в укрепление нерушимой дружбы между советским и чехословацким народами, в упрочение мира на земле». На трибуне первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников. Наша дружба и сотрудничество, говорит он,— это глубокий взаимный обмен опытом коммунистического воспитания молодого поколения, это совместный труд на важнейших объектах, сооружаемых в рамках СЭВ, это прямые связи тысяч молодежных коллективов, миллионов молодых людей.

Председатель ЦК ССМ Чехословакии Индржих Полединк зачитал участникам митинга текст приветствия Генерального секретаря ЦК КПЧ, Президента ЧССР товарища Г. Гусака, в котором подчеркивается: «Дни дружбы демонстрируют единодушную преданность молодого поколения политике КПСС и КПЧ и решимость вместе с молодежью других социалистических стран и прогрессивной молодежью всего мира способствовать осуществлению Программы мира и ослаблению напряженности во всем мире».

На торжественном митинге участников Дней дружбы советской и чехословацкой молодежи в Киеве.

Фото Я. Давидзона.

ЦЕЛЯМ

чиво продолжать свою политику разрядки напряженности. Л. И. Брежнев с сожалением говорил о бессмысленности и крайней опасности дальнейшего накаливания атмосферы в условиях, когда обе стороны обладают оружием колоссальной разрушительной силы».

«Таймс».

КЕЛЬН. «Речь Генерального секретаря ЦК КПСС была и на этот раз проникнута большой силой. Л. И. Брежнев подчеркнул, что СССР и в дальнейшем будет стремиться к улучшению отношений с западными странами, а также активно и энергично продолжать политику разрядки напряженности».

«Кёльнер штадт-анцайгер».

ВЕНА. «В своем выступлении руководитель советской Коммунистической партии заявил о решимости Советского Союза продолжать усилия в направлении разрядки международной напряженности».

Австрийское агентство печати.

РУБЕЖИ РАЗРЯДКИ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Евгений ГРИГОРЬЕВ

Как некогда все дороги вели в Рим, так ныне всех людей доброй воли на нашей планете объединяют пути, ведущие к прочному миру. В сознании народных масс, да и правящих кругов большинства стран, за последние годы окрепло убеждение, что разрядка возможна, что мирное сосуществование — непреложная необходимость, что альтернативы ему нет и не может быть. Крепнущие процессы разрядки играют уже заметную роль в жизни современного человечества.

У нас, советских людей, есть все основания гордиться тем, что важнейшим фактором этого обнадеживающего позитивного развития была и остается принципиальная и целеустремленная внешняя политика КПСС и Советского государства. Думается, что на земном шаре сейчас нет более известного и популярного документа, чем Программа мира XXIV съезда КПСС. Ее успешное осуществление позволило добиться существенного поворота к лучшему в развитии современной международной обстановки.

Стоит лишь мысленно оглянуться на времена всего пяти-шестилетней давности, чтобы стала зримой историческая масштабность происшедших в мире сдвигов. Налицо общее улучшение отношений Советского Союза и других государств социалистического содружества с Соединенными Штатами, Францией, ФРГ, Англией и другими капиталистическими странами. Возник целый комплекс политических, экономических, культурных, научно-технических, торговых соглашений. Они образуют своего рода правовой фундамент разрядки. Исключительную важность приобрели политические контакты на высшем уровне.

Ленинская внешняя политика СССР пользуется горячей и единодушной поддержкой всего нашего народа. Да и как может быть иначе? Ведь она предполагает обеспечение благоприятных мирных условий для коммунистического строительства в нашей стране. Ее отличают принципиальность, интернационализм, классовость, которые придают внешнеполитическому курсу СССР еще большую действенность. Недаром этот курс встречает поддержку миллионов людей доброй воли на всех континентах.

На этих днях мы стали свидетелями того, какие оживленнейшие международные отклики вызвала речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы. Большое удовлетворение повсюду вызвало подтверждение неизменности курса Советского Союза на разрядку, его готовности к дальнейшему улучшению отношений со всеми странами, которые отвечают в этом взаимностью. «Основное направление внешней политики СССР заключается в том,— отмечает, комментируя речь, итальянская «Паэзе сера»,— что разрядка международной напряженности продолжает расширяться и углубляться». Широкое обсуждение вызывают в мире аналитические выводы и новые важные предложения, выдвинутые в речи Генерального секретаря ЦК КПСС.

«Сейчас мир вступает в период, когда на первый план выдвигается задача воплотить принципы мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества в повседневные практические дела,— говорил Л. И. Брежнев.— Это ответственный период. Те, кому доверены судьбы государств и народов, должны показать, что дела у них не расходятся со словами».

Известно, что разрядка не однозначный процесс. У него есть не только сторонники, но и противники. В целом последние уже не в состоянии перечеркнуть позитивное развитие на международной арене. Но они еще могут притормаживать его, если им не давать своевременного отпора.

Как и всегда, противники разрядки в своих аргументах неоригинальны. Они по-прежнему уповают лишь на антисоветизм. К примеру, правые круги западногерманского ХДС в своем программном документе, к предстоящему съезду своей партии, упрямо твердят, будто «советская политика характеризуется экспансионистским курсом». На подобных вздорных «основаниях» и проповедуется, как правило, на Западе, да и не только там, продолжение гонки вооружений. Иных «рецептов» у врагов разрядки за душой не имеется.

Сколь же близоруки, однако, деятели такого рода. Ведь новое соотношение сил, сложившееся на международной арене, давно уже не в их пользу. Оно обрекло на заведомую бесперспективность любые авантюристические мечты о решении исторического спора между капитализмом и социализмом с помощью оружия. Казалось бы, и ребенку должно быть ныне понятно, как бессмысленно и опасно накалять атмосферу в условиях, когда обе стороны обладают средствами гигантской разрушительной силы. Не только разум, но и эта непреложная реальность требуют в наше время честного и ответственного подхода ко всем делам, от которых зависит необратимость разрядки, требуют особых усилий в борьбе с гонкой вооружений.

В этой связи закономерен огромный резонанс, вызванный в мире новыми предложениями, содержавшимися в речи Л. И. Брежнева. В зарубежных откликах на эту речь отмечается исключительная своевременность его предупреждений об опасности дальнейшего накопления вооружений. Зарубежные обозреватели отмечают историческое значение советской инициативы, направленной на заключение соглашения о запрете создавать новые виды оружия массового уничтожения, еще более страшного, чем ядерное. Возведения такой преграды требуют жизненные интересы всего человечества.

Мастер инструментального цеха Г. М. Моисейкин (в центре) знакомит с чертежом шлифовальщиков В. Полякова, М. Овчинникова и В. Курносова. Фото А. Бочинина.

ГОРДОСТЬ РАБОЧЕГО ЧЕЛОВЕКА

Не раз бывал я в Кремлевском Дворце съездов, но 13 июня шел сюда с особым волнением: нам, избирателям Бауманского избирательного округа, предстояла встреча с нашим кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР, Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Все бауманцы гордились тем, что Л. И. Брежнев дал свое согласие баллотироваться по нашему избирательному округу. Но у нас, рабочих завода счетно-аналитических машин, для этой гордости были особые основания: мы первыми назвали Л. И. Брежнева своим кандидатом в депутаты.

С большим вниманием мы слушали речь товарища Л. И. Брежнева. Он говорил о том, что волнует каждого советского человека. Мне, как участнику Великой Отечественной войны, особенно близка озабоченность товарища Л. И. Брежнева судьбами мира. «Разумеется, у нас своя идеология, свои убеждения,— говорил Леонид Ильич,— но мы исходим из того, что мир в одинаковой степени нужен всем народам, в устранении опасности мировой ядерной войны заинтересованы все государства».

Товарищ Л. И. Брежнев в своей речи много внимания уделил движению за коммунистический труд, инициаторами которого были москвичи, и в частности бауманцы. Да, сегодня надо работать лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня. На примере нашего цеха, участка видно, насколько требовательнее стали рабочие к своему труду. Шестеро завершили личные пятилетки к 105-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, а остальные обязались выполнить их к 58-й годовщине Октября. Тон задают коммунисты. И я, как секретарь цеховой партийной организации, делаю все возможное, чтобы опыт передовиков стал всеобщим достоянием.

Г. МОИСЕЙКИН,
мастер Московского завода
счетно-аналитических машин

УВЕРЕННОСТЬ В КАЖДОМ ШАГЕ

Девятая пятилетка идет к финишу. Напряженно, с полной отдачей сил трудятся советские люди. А когда хорошо и добросовестно работаешь, особенно приятно услышать, что твой труд по достоинству оценивается страной. Такая оценка нашего труда, работников сельского хозяйства, прозвучала в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа Москвы. Леонид Ильич сказал добрые слова о тружениках сельского хозяйства Белоруссии. Да, мы много сделали в нынешнюю пятилетку. У нас в колхозе урожайность зерновых перевалила за 40 центнеров с гектара. Увеличивается продуктивность животноводства, переводим его на индустриальную основу. Мы строим новый поселок на центральной усадьбе. Готовы зернокомплекс и свинокомплекс, на очереди комплекс молочный. Растет материальное благосостояние колхозников. Подтверждение тому и личные автомобили и поездки в санатории, дома отдыха.

А впереди непочатый край работ. Мы поударному готовимся к XXV съезду партии. И на полях и на фермах развернулась борьба за высокий урожай 1975 года, за лучшие показатели по животноводству. Вдохновляет нас верный курс ленинской партии, нашего государства. Мы горячо поддерживаем этот курс и не сомневаемся, что девятая пятилетка своими внушительными результатами еще раз подтвердит правильность нашего пути.

Владимир КАЛАЧИК,
Герой Социалистического Труда,
председатель колхоза «Светлый путь»,
Молодеченского района, Белорусской ССР

интервью «огонька»

«Громадная задача, к решению которой приступает советский народ,— это подъем и, я бы сказал, настоящее обогащение обширных сельскохозяйственных районов нечерноземной зоны Российской Федерации».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕ́ЖНЕВА на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы.

Нечерноземная зона РСФСР — это 23 области и 6 автономных республик. Это край, вписавший немало славных страниц в русскую историю. Здесь проживает каждый четвертый гражданин Советского Союза, тут сосредоточено 24 процента российской пашни.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР» направлено на то, чтобы возродить плодородие Нечерноземья, отстроить заново колхозные села и совхозные поселки. И в этом деле ведущую роль должны сыграть строители. Именно они к 1980 году сдадут новоселам более 100 миллионов квадратных метров жилья. Будут переселены 170 тысяч семей из маленьких деревень и сел в новые места. Наш корреспондент **Р. Коробова** попросила министра сельского строительства РСФСР **Николая Семеновича Мальцева** рассказать о работах строителей в нечерноземной зоне Российской Федерации.

ВОПРОС. Нечерноземье становится грандиозной стройкой. Как будет решаться здесь проблема кадров?

ОТВЕТ. Выступая на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев отметил важное хозяйственное и политическое значение подъема Нечерноземья РСФСР. Армия сельских строителей, работающих на обширной территории Нечерноземья, восприняла эти слова как боевое задание партии и народа.

Задачи стоят перед нами огромные, и, пожалуй, одна из самых острых для нас проблем—это та, о которой вы спрашиваете,—проблема кадров. Уже в этом году, например, нам понадобится не менее двадцати пяти тысяч рабочих. Откуда их взять? Большие надежды возлагаем на комсомол. Нечерноземье объявлено Всесоюзной ударной комсомольско-молодежной стройкой. Летом, в лучшую для строителей пору, к нам приедут студенческие строительные отряды, а это двадцать тысяч молодых людей. Более семи тысяч учащихся закончат производственно-технические училища. Они будут направлены в районы Нечерноземья. Обещают помочь строители шефствующих областей. Все это не считая оргнабора...

У нас на территории Нечерноземья есть шесть строительных техникумов. Ежегодно получают дипломы более двух тысяч молодых специалистов. Так что наши стройки будут полностью обеспечены бригадирами, прорабами.

Для закрепления кадров на сельских стройках с этого года разрешена надбавка за разъездной характер работ до двадцати процентов от месячного оклада или тарифной ставки всем работникам передвижных колонн, а также строительных поездов.

Известно, что сдельно-премиальная оплата труда не только способствует стабильности трудовых коллективов, но и повышает производительность труда. Уже в этом году по сдельно-премиальной оплате будет работать более половины строителей. На бригадный подряд перейдет не менее четверти всех строительно-монтажных бригад.

Есть тут еще одна важная проблема: быт, условия жизни строителей. Уже в прошлом году мы построили для них около 130 тысяч квадратных метров жилья, а в нынешнем году намечаем построить более 270 тысяч, да и в следующие годы будем строить не меньше. Одновременно строим для них дома культуры, больницы, школы, детские сады...

Более 70 процентов строительно-монтажных работ выполняют передвижные механизированные колонны. Они успешно справляются с задачами, если на местах есть производственная база, жилье и детские сады. По всему Нечерноземью сегодня насчитывается свыше двадцати пяти тысяч наших объектов. Как пра-

Н. С. МАЛЬЦЕВ,
министр сельского строительства РСФСР

СТАРТ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

вило, они находятся вдали от баз снабжения, почти при полном бездорожье. Поэтому передвижные механизированные колонны еще надолго останутся главными строительными организациями, но мы не отказываемся и от сельских строительных комбинатов. Сейчас у нас их пять, строятся шесть, а в следующей пятилетке запланировано построить еще двадцать два.

Последний год пятилетки для нас является как бы предстартовым. Мы готовим кадры, жилье для них, оснащаем домостроительную индустрию, создаем базу, своего рода плацдарм, с которого и начнем в десятой пятилетке большое наступление на Нечерноземье.

ВОПРОС. Какие ожидаются перемены в структуре и характере сельского строительства?

ОТВЕТ. Вместо разрозненных помещений сооружаются крупные животноводческие комплексы и птицефабрики, где все производственные процессы должны быть полностью механизированы и автоматизированы.

На строительстве животноводческих, птицеводческих и других комплексов будут использованы облегченные, а также стальные конструкции. При сооружении элеваторов и мельниц — элементы из тяжелого и легкого бетона и металлических конструкций.

Дома будут возводиться из крупных легкобетонных панелей и блоков. Мы используем и новые синтетические отделочные материалы, стеклопрофилит, цветное профильное стекло и другие.

Школы, детские сады сегодня строятся в основном из кирпича — это и дорого и долго. Наши строители переходят на индустриальные методы. И здесь в дело пойдут крупноблочные и крупнопанельные конструкции. Строительные площадки станут монтажными. В несколько раз сократятся сроки строительства.

ВОПРОС. За счет чего?

ОТВЕТ. За счет повышения производительности труда, технической и энергетической вооруженности, индустриализации и механизации строительства. К сожалению, нам еще не хватает средств малой механизации. Над созданием их работают несколько министерств. Надеемся, что в скором времени строители получат новые механизмы, облегчающие труд, повышающие его производительность.

А пока мы вынуждены осваивать производство некоторых механизмов на своих предприятиях. Разумеется, это обходится дороже. И то, что изготовляют здесь, не всегда отвечает лучшим образцам. Ждем от Министерства строительного, дорожного и коммунального машиностроения увеличения выпуска средств малой механизации.

ВОПРОС. Что вы скажете о качестве проектов сельских строек — и жилых домов, и культурно-бытовых учреждений, и производственных помещений? Насколько они современны? Может, следует объединить проектирование в крупных институтах, оставив местным организациям работы по изысканиям, привязкам?

ОТВЕТ. Давно созрела необходимость в такой координации. Тогда будет единая техническая политика в строительстве.

Существующие при Госстрое СССР и Министерстве сельского хозяйства зональные и отраслевые институты пока еще не обеспечивают решения всех задач. Иные проекты устаревают, не успев родиться. На наш взгляд, роль зональных и отраслевых институтов необходимо укрепить, уточнив при этом обязанности, права и ответственность за проведение единой технической политики в сельском строительстве.

ВОПРОС. Получит ли развитие идея агрогородов, когда в каждом таком городе живет несколько тысяч рабочих или колхозников?

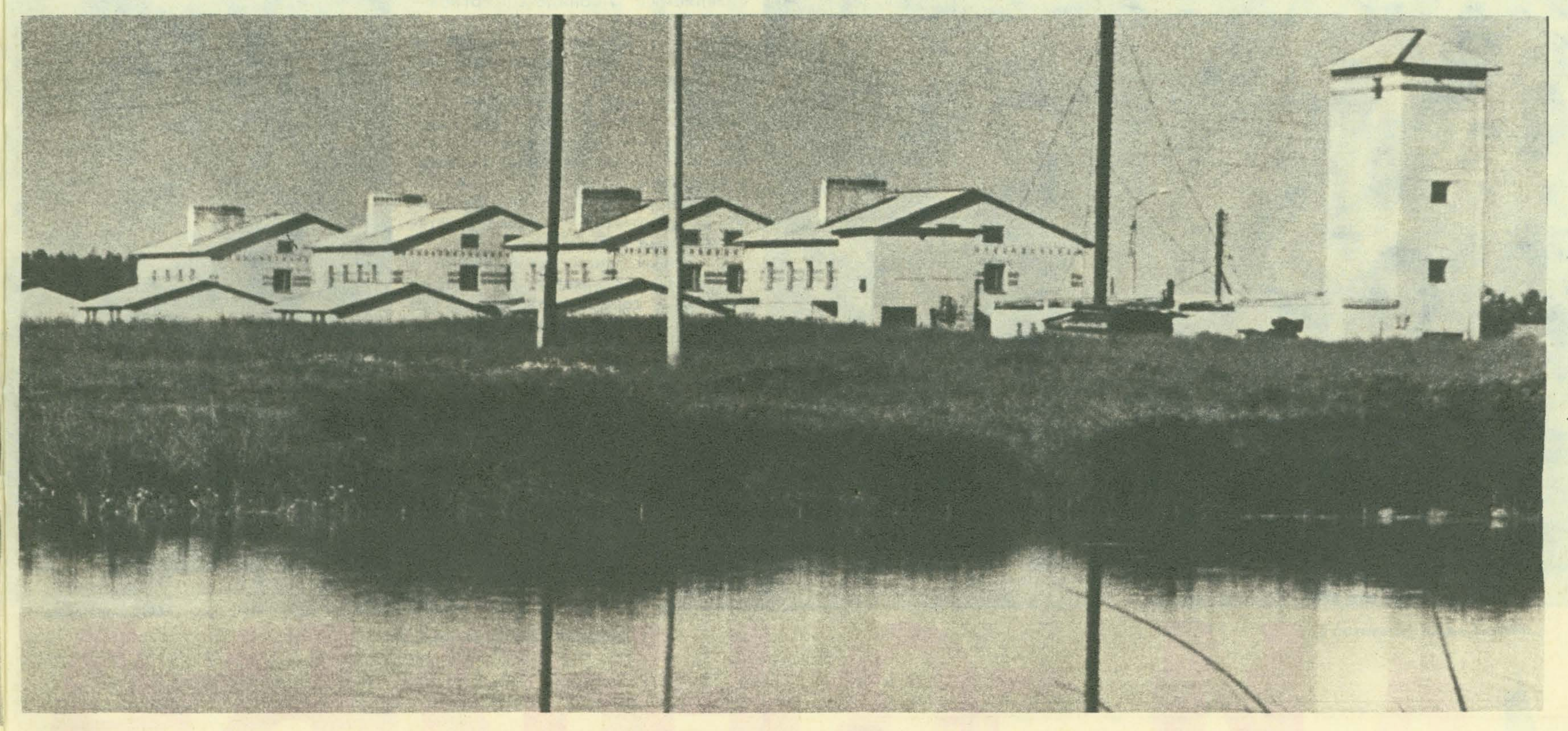
ОТВЕТ. Поселки на несколько тысяч человек уже создаются. Но это, конечно, не агрогорода, и я думаю, что в ближайшие десять — пятнадцать лет они не возникнут.

В связи с этим остро стоит вопрос о типе дома в деревне: быть ему многоэтажным, как в городе, или одно-двухэтажным, отвечающим всем требованиям крестьянина. Мы считаем, что вопрос этажности домов на селе должны решать его жители. Но при этом обязательно надо учитывать особенность местности, демографические данные и целый ряд других обстоятельств. Так что дома будут всякие: одноэтажные, двухэтажные и многоэтажные. Но при любом варианте нельзя мириться с тем, что есть еще у нас, например, в Псковской и Новгородской областях, деревни из пяти-шести дворов. Если в ближайшие годы такие деревни не объединятся на одной усадьбе или в одном поселке, то там никого не останется.

Деревни Нечерноземья примут, должны принять новый, современный облик. Но решить жилищную проблему в Нечерноземье только своими силами трудно. Мы ждем помощи от мощных домостроительных комбинатов других министерств.

Сельские строители, как и все труженики нашей страны, готовятся достойно встретить XXV съезд КПСС. Они встают на предсъездовскую трудовую вахту и прилагают все усилия к тому, чтобы с честью выполнить задания девятой пятилетки.

Горьковская область, Городецкий район. Так выглядит вновь отстроенная усадьба колхоза «Красный маяк». **Фото В. Якобсона.**

А. СОФРОНОВ

Фото
Н. КОЗЛОВСКОГО

Воздушные ворота столицы Казахстана.

...И СНОВА

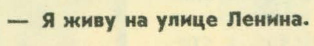
С течением времени у каждого из нас появляются в жизни пристрастия и симпатии не только к людям, но и к новым местам и краям, к тем, которых ты раньше не знал. Порой это возникает не сразу: ни ты им, ни они тебе не откроются, вот так, в одно мгновение, не покажут всей своей стати, всего обаяния, но состоится еще одна встреча, за ней еще одна, и вдруг ты увидишь глубину и красоту новой для тебя земли. Какие-то токи пронзят твое сердце, и появится желание снова и снова побывать там, на той земле, которая запомнилась тебе еще в самую первую встречу.

В начале 60-х годов вместе с большой группой писателей и деятелей искусства Российской Федерации я впервые в жизни оказался в Алма-Ате, столице Казахстана, в городе, о котором когда-то только и знал, что там очень вкусные яблоки. Конечно, дело было не в яблоках. Еще и до этого я подружился с прекрасными казахскими писателями — Мухтаром Ауэзовым, Сабитом Мукановым, Габитом Мусреповым, Габиденом Мустафиным. В ту пору мы уже не один раз вместе с ними бывали на различных писательских встречах в странах Азии и Африки. И все то новое, что родилось на казахских землях, было широко известно. В ту пору уже кончились первые годы целинного приступа. На необъятных просторах Казахстана появились целинные поселки. Пустынные степи наполнились машинным гулом. Целина давала первые урожаи. Все это происходило давно. Именно тогда мы, писатели России, возглавляемые Леонидом Сергеевичем Соболевым, и прилетели в Алма-Ату. Для самого Соболева Казахстан, можно сказать, был второй родиной. Он очень любил Казахстан и много сделал для того, чтобы казахская литература заняла достойное место в кругу всех братских литератур нашей Родины. Именно он, Леонид Соболев, редактировал перевод на русский язык прекрасного романа Мухтара Ауэзова «Абай».

С первых дней пребывания в Алма-Ате нас захватили гостеприимство и сердечность казахского народа да и всех других народов, которые живут в многонациональном Казахстане.

Многое осталось в памяти об этих днях, но, наверное, одним из самых впечатляющих событий для нас было посещение города Целинограда, который уже возник как новое название на географической карте нашей Родины. Мы видели лежащие в степях, припорошенные снегом валки пшеницы, ощутили ранний холодок осени, и

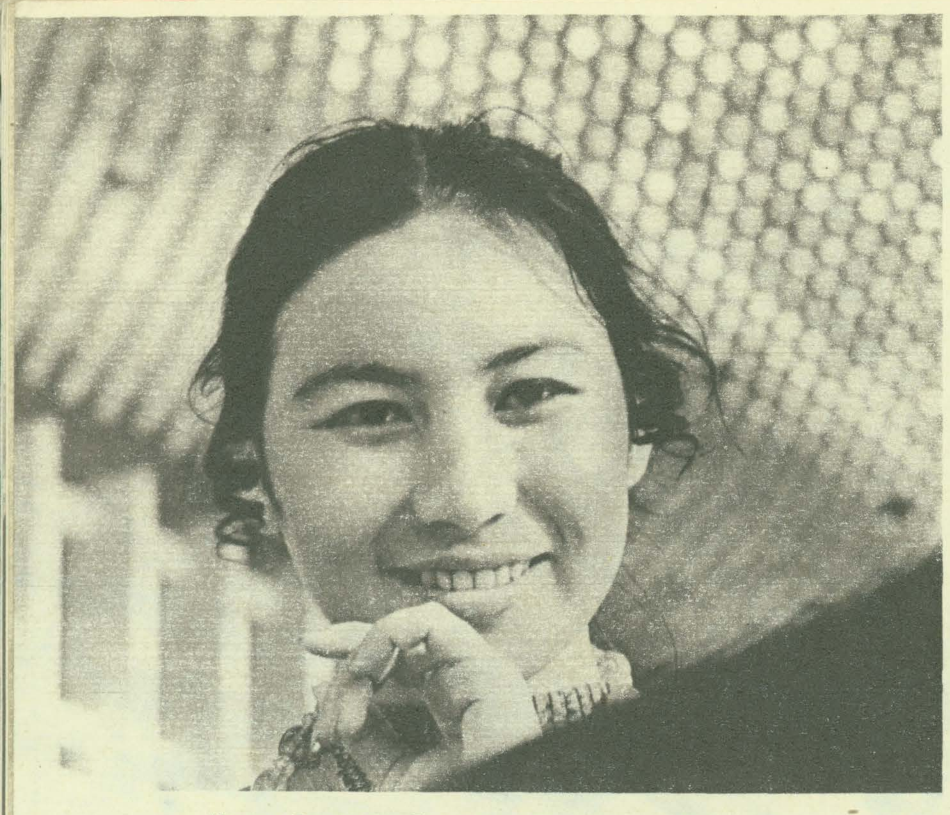

— Я живу на улице Ленина.

Гостиница «Алма-Ата».

ВСТРЕЧА

Нуртан Сарсепова будет врачом.

снова и снова щедрые на братское гостеприимство целинные совхозы, еще только оснащающиеся жильем и техникой... В совхозах еще не было клубов, жили тесно, не всюду было прибрано, но люди с огромным энтузиазмом смотрели вперед.

Конечно же, это не забывается. И ты сам запоминаешь все, что видел, с кем встречался, и в памяти друзей останешься. Для меня, в частности, первая встреча с Казахстаном, кроме всего, еще была отмечена знакомством с поэзией своеобычного поэта Олжаса Сулейменова, тогда еще совсем молодого, проникновенно читавшего стихи на заключительном вечере декады в Алма-Ате. Это было открытие.

В феврале 1973 года снова по писательским делам мы оказались в Алма-Ате. И хотя город был завален снегом, все же казалось, будто весна подступала из-за гор, поднявшихся над Алма-Атой. Осенью здесь должны были собраться делегаты конференции писателей стран Азии и Африки. Эта организация солидарности писателей двух великих континентов прошла сложный, значительный путь от первой своей конференции, которая состоялась в 1958 году в столице Узбекистана — Ташкенте. Затем были этапные встречи на конференциях в Каире, Бейруте и Дели. Теперь писатели Азии и Африки должны были собраться в Алма-Ате. Для новой встречи афро-азиатских литераторов, наверно, трудно было выбрать более подходящее место, чем Алма-Ата,— столица цветущей, ритмично движущейся вперед республики. Союз писателей СССР вместе с казахскими писателями начинал тогда деятельную подготовку к конференции. Мы были приняты членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана товарищем Д. А. Кунаевым. Во время сердечной встречи товарищ Д. А. Кунаев сказал нам: «Казахская партийная организация, казахская общественность сделают все, чтобы гости, делегаты этой конференции, были встречены достойно и чувствовали себя в нашей республике хорошо. Мы постараемся не только помочь вам провести свою новую встречу на высоком уровне, но и познакомим с тем, как живет и работает Советский Казахстан. Мы будем рады оказать всем писателям Азии и Африки сердечное казахское гостеприимство».

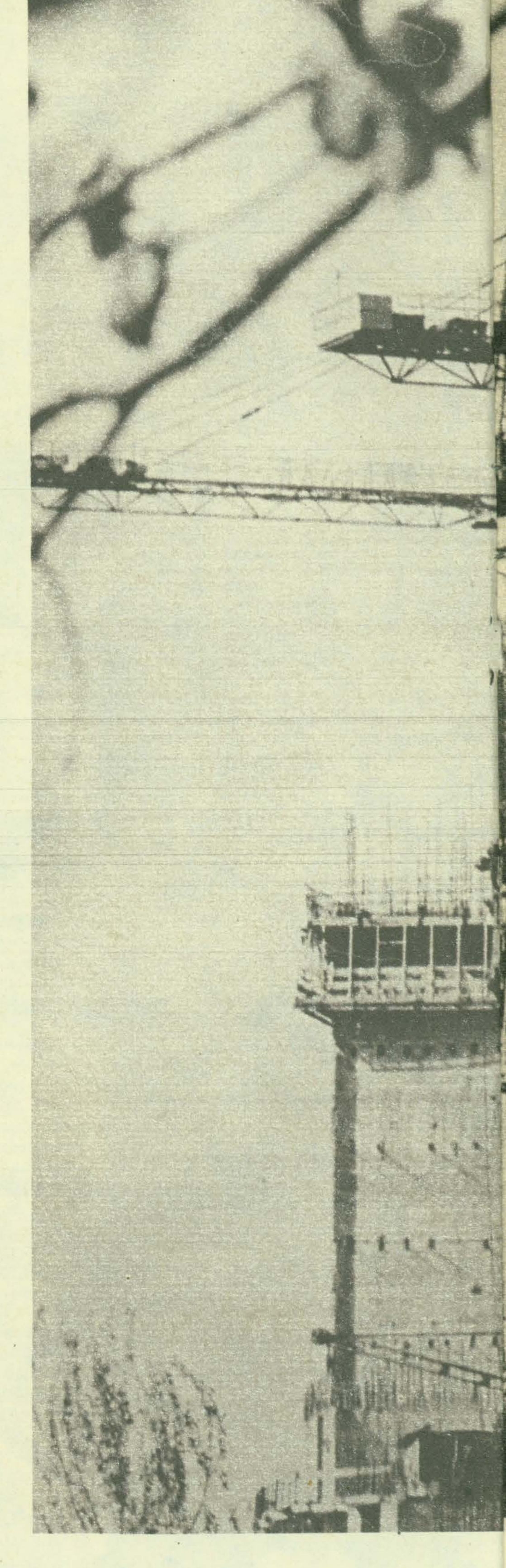
И действительно, в сентябре 1973 года все так и было. И хотя та осень оказалась не такой простой для сельского хозяйства республики, все равно, начиная с рассвета, когда самолеты с делегатами приземлились в аэропорту Алма-Аты и когда тысячи алматинцев восторженно приветствовали их, и до часа закрытия конференции делегаты чувствовали себя в Алма-Ате отлично. Литературные дискуссии, вечера, на которых звучали стихи поэтов нескольких десятков национальностей; прекрасные концерты и выезды в совхозы, на фабрики и заводы — все согревало души участников конференции теплом и благодарностью к хозяевам республики. Уже потом, на писательских встречах в Бейруте, Каире, в столице Филиппин — городе Маниле,— как когда-то первой точкой отсчета афро-азиатского писательского движения назывался Ташкент, так теперь такой точкой от-

Новое здание цирка.

Они учатся в вузах Алма-Аты.

Интерьер ресторана «Алма-Ата».

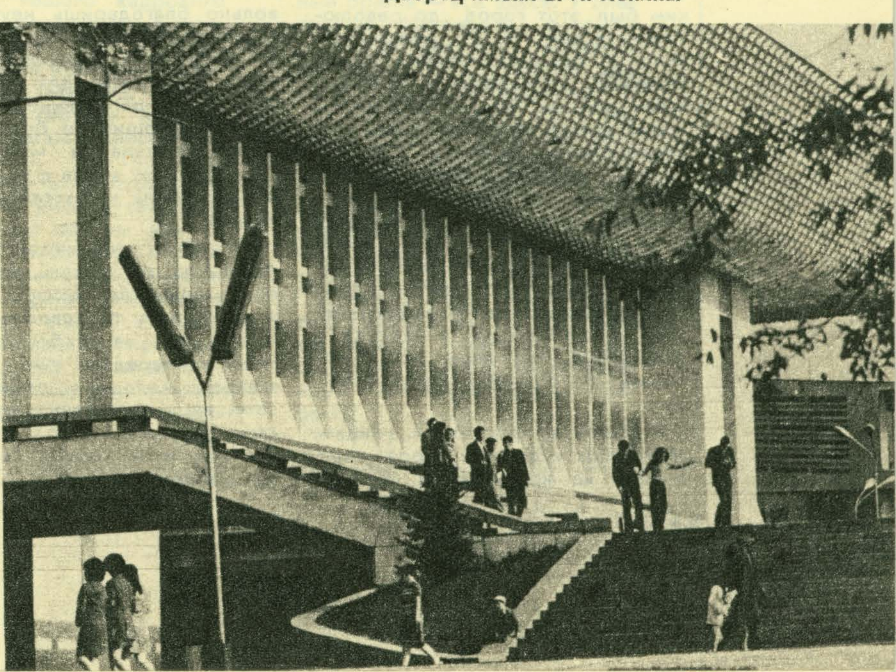

Растет двадцатипятиэтажный отель «Интурист».

Самые юные граждане.

Дворец имени В. И. Ленина.

счета называли Алма-Ату. Сколько нам приходилось слышать самых высоких слов об этом на различных писательских форумах, за столами конференций и семинаров!

И если тогда была осень, золотая казахская осень, то в этом году я оказался в Алма-Ате весной, когда цвели деревья и все вокруг зеленело. На этот раз повод был у меня в какой-то степени личный — в Академическом театре имени Мухтара Ауэзова на казахском языке была поставлена моя пьеса «Власть». Это была моя первая встреча с превосходным коллективом театра. И, может быть, потому, что это произошло в казахскую весну, я словно бы заново увидел Алма-Ату, ее широкие проспекты и площади, ее новые кварталы. Кажется, все строится здесь. Можно часами бродить по городу, наблюдая, как уютно и привольно чувствуют себя алмаатинцы в своей столице, живя сегодняшним и завтрашним днем, свято сохраняя память о прошлом. В те дни только заканчивалось сооружение монумента, посвященного героям Великой Отечественной войны — панфиловцам. Он еще находился в лесах, но мы уже видели его контуры. Вот-вот он сбросит с себя леса и предстанет перед взорами алмаатинцев как памятник мужеству тех, кого Казахстан в суровую пору сорок первого года направил на фронты Великой Отечественной войны и кто героически защитил своей грудью столицу нашей Родины Москву. Все было здесь рядом — Прошлое, Настоящее и Будущее.

Несколько лет тому назад мы взволнованно ожидали сообщений с того места, где заканчивалось сооружение высокогорного катка Медео. Большая угроза тогда нависла над Алма-Атой. Прорвавшийся сквозь каменные отроги сель угрожал столице республики. Но героическими усилиями партийных и советских организаций, бессонным, самоотверженным трудом тысяч алмаатинцев, молниеносной помощью всей страны катастрофа была предотвращена.

Сейчас под ярким весенним солнцем мы видели сверкающий каток Медео, синее небо, голубые вершины над ним и сотни молодых людей, скользящих по звонкому льду.

Наверное, обо всем этом следует писать подробней, но мне както хочется передать свои чувства уважения ко всему тому, что я увидел в Алма-Ате весной 1975 года.

Мы все живем сравнениями. Было — стало. Рождалось — выросло. Было в планах — осуществлено в делах. Немного осталось в Алма-Ате стариков, которые помнят, каким был этот город до революции,— тесная сеть немощеных улиц с преимущественно одноэтажными деревянными глинобитными домами, над жителями которых всегда висел дамоклов меч землетрясений и селей. Сколько создано здесь всевозможных противоселевых сооружений, сколько материальных средств, энергии ученых, инженеров отдано рукотворным землетрясениям — испытанию домов на сейсмостойкость. Поиски ученых увенчиваются успехом — алмаатинцы вселяются в добротные, надежные дома, которым не страшны землетрясения.

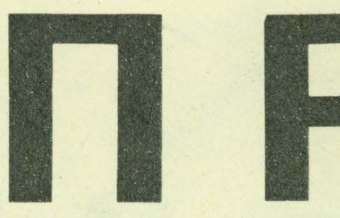
Я ходил по проспектам, улицам, площадям чудесного города-сада, одного из красивейших городов страны, вытянувшегося на двадцать километров с севера на юг и на столько же с востока на запад. Любовался многоэтажьем новых районов — Юго-Западного и Южного, творениями зодчих, по проекту которых воздвигнуты Дом правительства с памятником В. И. Ленину перед ним, здания театров — казахского театра драмы имени Мухтара Ауэзова, русского театра драмы имени М. Ю. Лермонтова, главное здание республиканской Академии наук... Ходил и вспоминал беседы в Центральном Комитете Коммунистической партии Казахстана. Расцвет Алма-Аты — это результат расцвета всей республики. За последние годы, со времени предыдущих выборов в Верховный Совет и местные Советы республики, в Казахстане создано около 200 образцов новых типов современных машин, освоено серийное производство более 400 новых видов промышленной продукции, создано 55 вычислительных центров, внедрено 112 автоматизированных систем управления, комплексно механизировано и автоматизировано более 1 100 участков и цехов. Почти 500 видам изделий присвоен государственный Знак качества...

Уже в Москве, работая над этими заметками, я прочел речь члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаева на встрече с избирателями. В ней говорилось: «В том, что Советская страна стала могущественнее, несомненен значительный вклад Казахстана. А в том, что Казахстан поднялся к новым высотам, — основная заслуга всей страны. Таков главный закон нашей жизни, где все определяется мудрой политикой ленинской партии, общим трудом, общей заботой и усилиями многонационального, но единого в своем движении вперед советского народа».

Именно этой весной мы посмотрели большой хроникальный фильм о 20-летии со дня начала освоения целины. Фильм нельзя смотреть спокойно. Не преувеличивая, можно сказать: как кадры давней фронтовой хроники, так и эти кадры целинной хроники захватывают тебя целиком. Ничего ведь не было. Голая пустыня. Но по решению партии в эту пустыню, на целину шли машины, эшелонами ехали люди. На целине много раз бывал Леонид Ильич Брежнев. Он вдохновлял целинников на подвиги. Это был тоже фронт на трудной, дикой и вместе с тем щедрой земле. Както по-особому все это смотрится сейчас, через двадцать лет после того, как первые колышки были забиты в казахскую целину. Невольно благодаришь неутомимых операторов кинохроники, которые, как когда-то в суровые военные годы, сохранили для памяти наших поколений кинодокументы, рассказывающие о боях за расцвет Казахстана, за новую казахскую житницу хлеба с постоянным прицелом на казахстанский миллиард!

...И когда на широких улицах Алма-Аты ты видишь бесчисленное множество детских колясок и ребятишек, то невольно думаешь о том, какое бесценное наследство передают уже седые, но всегда с молодыми, зоркими глазами люди, неустанно пестующие свою родную землю, делающие все для того, чтобы земля эта расцветала все ярче!

Ия **МЕСХИ**

Рустави, металлургический завод. Вместе со своим соседом, Сумгаитским трубопрокатным имени Ленина, наверно, самый южный, самый горячий за Кавказским хребтом. Одно время о нем много писали. Столичные корреспонденты приезжали сюда, на выжженную солнцем равнину, чтобы сообщить читателям об удачном эксперименте: грузинские деревенские парни, обученные на металлургических заводах России и Украины, ставят в Грузии Большую металлургию. Новый, с иголочки, громадный завод. Полные энтузиазма молодые рабочие, недавние крестьяне. Когда это было? В 1944 году мобилизовали молодежь и начали строить. В 1950-м выдали первую плавку. Через некоторое время здесь уже наладили производство с полным металлургическим циклом.

Тогда часто упоминались имена знатного доменщика Вардиша Коберидзе, трубопрокатчика Павлэ Церетели, сталеваров Шалвы Кухалейшвили, Важи Гигиберия, Амирана Панцулая... Где эти люди? Да здесь они, здесь! Важа Гигиберия, например, двадцать пятый год варит сталь. Другие занимают ответственные посты на заводе и в городе. Бывший сельский паренек Павлэ Церетели, работая в цехе, получил высшее образование, возглавил трубопрокатный цех, вместе с инженерами и рабочими автоматизировал стан «400», за что ему присуждена Ленинская премия, помог румынам автоматизировать такой же стан. Сейчас он заместитель главного инженера завода.

Право же, есть с кого брать пример. Есть таланты, есть герои труда, достоиные подражания.

Но если б все было так просто! Если б можно было довольствоваться прямыми и светлыми биографиями, высокой сознательностью отдельных личностей! В жизни многотысячного производственного коллектива все гораздо сложней. Работает предприятие нормально. И вдруг что-то смещается, ползет вкривь и вкось.

Было это и на Руставском металлургическом. Было. Завод плохо справлялся с планами, люди испытывали раздражение, не понимая толком, что происходит, кое-кто (а если говорить точнее, немалое число квалифицированных рабочих) стал покидать завод.

Самой тяжелой оказалась зима 1971/72 года. Ударили небывалые для этих мест морозы. Своевременно не запаслись агломератом. Между тем тут же, на железнодорожных путях, стояли сотни вагонов с этой самой рудой. И не выгрузить ее — замерзла. Домны простаивали. Январский и февральский планы сорвались. Потом ремонтировали доменную печь, а когда отремонтировали, долго не могли задуть. На это тоже ушло время. Все-таки правильно говорится: пришла беда — отворяй ворота...

И вот минуло два года. Узнаем по итогам прошедшего года заводу вручено переходящее Красное знамя ЦК КПСС и Совета Министров СССР. У заказчиков нет претензий к качеству. На заводе почти прекратилась текучка рабочей силы.

Хочется узнать, что произошло, как справились руставцы с бедой, которая, казалось бы, надолго свила здесь гнездо.

— На этот вопрос ответить не просто, так как он требует полного анализа деятельности всех звеньев заводского коллектива,— сказал нам секретарь заводского партийного комитета Котэ Шалвович Бакрадзе. — Но можно выделить главное. Установление в коллективе производственного порядка и строжайшее соблюдение трудовой дисциплины, забота о людях. Когда мы, партийный актив завода, взялись за эти два вопроса со всей энергией и страстностью, мы все очень быстро почувствовали результаты.

На первых порах уволили с завода двадцать особо наглых нарушителей дисциплины, с которыми почему-то до той поры цацкались. Уволили без сожаления, гласно. Около 700 человек за всякие мелкие нарушения лишили 13-й зарплаты. Нашли такую форму воспитательного воздействия на про-

очность

гульщиков и разгильдяев, как «Слеты нарушителей». Это собрания в цехах лицом к лицу с передовыми рабочими. И такая тут идет пропарка — лучше всякой бани! Заводская многотиражка напечатала фамилии и фотографии прогульщиков и пьяниц. Не только многотиражка — снимали «героев» на кинопленку и прокручивали ее в заводском клубе перед всеми. Наконец, еще одно: посылали с завода письма в семьи нарушителей порядка. Воздействие через семьи, мне кажется, хороший, правильный прием. Помню, поместила как-то наша газета портрет злостного прогульщика из копрового цеха, снабдив фотографию ядовитой подписью. Газета попала в семью этого человека. Всполошились. Словом, пришлось папаше покончить со своими художествами.

Это одна сторона вопроса. Другая — внимание к условиям труда, быта, отдыха. Здесь тоже было все очень запущено: бытовки, столовые, транспорт. Директор завода Отар Николаевич Суладзе принялся за это рьяно и, как говорится, с пристрастием. Спрашивал с каждого командира производства за службу быта так же, как за выполнение плана. Отремонтировали все бытовые и подсобные помещения. По территории предприятия курсируют для рабочих автобусы. Часть стоимости обедов в столовых взял на себя завод. Построили теплицу и снабжаем ранними овощами. Ускоренным темпом строим две базы отдыха. Словом, делается много такого, что у каждого порядочного человека вызывает желание работать не формально, а с большой отдачей сил.

Что и говорить: надо еще работать и работать, чтоб добиться выполнения всех тех решений, которые вынесены по нашему заводу в конце 1972 года. Но уже произошло самое отрадное: те люди, которые были склонны искать на стороне легкий труд и большие деньги, поняли, что куда лучше трудиться на избранном однажды месте, трудиться мужественно и честно. Мы считаем это главной нашей победой...

Избранный однажды путь... Нет, это не обязательно, не твердокаменно. Человек и ошибиться может в выборе, и не найти в себе призвания, и сойти с этого пути по каким-то иным причинам.

«Огонек» уже писал однажды о «бежких людях», об этих вызывающих одновременно и гнев и жалость мотыльках, которые в поисках нектара перепархивают с цветка на цветок, нигде не задерживаясь, теряя попусту время жизни. Порождает этих суетящихся индивидуумов наш голод на рабочую силу, наш стремительный темп созидания нового — новых предприятий, комплексов, городов. Но порождает их и другое: наше неумение воспитывать людей, потворство их слабостям, граничащее с заискиванием, или невнимание к их нуждам, потребностям.

Партийная организация Металлургического завода в Рустави с основательным запозданием, но все же решительно взялась за борьбу с «бежкими людьми», заглянув в корень этого зла. И может быть, не столь уж осудив само бегство (насильно мил не будешь!), как сопутствующие настроения. Ведь можно оставаться на заводе, а в мыслях своих бежать с него. И тогда какой прок от подобного работника?

Теперь хочется сказать о людях, которые, уйдя с завода лет пять, шесть, а то и семь тому назад, стали сюда возвращаться. И, знаете в какое время? Нет, не тогда, когда здесь уже начало налаживаться дело, а именно в те дни, когда было плохо, очень плохо, в основном в 1972 году.

Мне довелось говорить с такими в трубопрокатном цехе. Один работал заведующим столовой (а был квалифицированным вальцовщиком на стане!). Другой устроился в городе буфетчиком, потом разгружал товары на торговом складе (а был старшим нагревальщиком!). Третий ушел в экспедиторы и, ох, как не любит теперь вспоминать эти пять лет!.. Это мастер Друхун Дзагания. Когда он попросился обратно, его поставили вальцовщиком, хотя в мастерах очень нуждались. Стали присматриваться — работает на совесть. Выдвинули старшим вальцовщиком. Его бригада стала отлично трудиться. Перевели в другую, отстающую — подтянул. Назначили мастером стана, как и прежде, до ухода. Принялся за дело с подъемом, с азартом, призвав других мастеров соревноваться со своей сменой. В общем, словно подменили человека! И вот недавно в семью Дзагания пришло письмо, подписанное директором, о том, что глава семьи работает на заводе хорошо, заслужил любовь и уважение коллектива, от имени которого и выносится ему благодарность.

В отделе кадров завода мне сказали, что таких кадровых рабочих, покинувших завод и вернувшихся в свои цеха, 285 человек.

В разных вариантах истории возвращения «блудных сынов» имеют одну основу: тревогу за свой завод. Когда-то они поддались неблаговидным настроениям, предпочли устройство своих личных дел борьбе за порядок и успех заводского коллектива. Потом опомнились, и их потянуло к своему заводу в трудный час. Поступком своим, для которого потребовалось если не мужество, то, во всяком случае, решимость и здравый смысл, они показали отличный пример тем, кто еще в то время «смотрел в лес». Восторжествовало чувство класса.

Как по-разному и сколь неожиданно проявляется это чувство! Иногда оно — порыв немедленно отдать свою жизнь за дело рабочих в классовых боях. А здесь, в этом маленьком, частном и, может быть, не очень приметном явлении, оно проявилось вот так, вроде бы в будничном поступке, скрепляемом будничным же приказом отдела кадров. На языке всех рабочих мира это чувство называется солидарность. «Солидитас» в переводе с латыни значит «прочность».

Мы уже рассказывали о новеньком, с иголочки, заводе, о гордости молодых сталеплавильщиков, выдавших четверть века назад первую руставскую плавку. Но теперь завод отстал от современных требований по крайней мере на пять-шесть лет. Именно поэтому предусмотрено коренное омолаживание завода. Будет построена мощная аглофабрика, реконструирована доменная печь, расширены основные цеха завода.

Нет, руставскому заводу никто не даст постареть. А люди стареют. Тут ничего не попишешь. Все эти в прошлом востроглазые, мускулистые парни сейчас уже близятся к пятидесяти годам. Знаете, сколько таких? Полторы тысячи! Помните, почти все они из деревни. А в деревне дом, который опустел: молодежь разбрелась, родители ушли в мир иной. Колхоз прибирает дом к рукам,— не стоять же ему без хозяина!

И тут у нашего кадрового рабочего начинаются душевные волнения. Как же так? Это же дом, в котором он вырос! Это его деревня, где он отдыхает в отпуске и куда поедет коротать пенсионные годы.

По просьбе этих товарищей завод пишет письма сельским властям. Мол, просим вас за кадровыми рабочими нашего завода сохранить дом, участок и т. д. К письму прилагается пофамильный список сталеваров, доменщиков, прокатчиков. Ответ один: «В связи с тем, что эти лица порвали всякую связь с селом...» Словом, отказ. Отказ, отказ и отказ. На вполне законных основаниях.

И находятся люди, которые из-за этого торопятся на пенсию, хотя могли бы свободно поработать на заводе еще с десяток лет. На этих людей в свое время было затрачено много сил и средств. Их посылали в другие города, обучали. Правда, своей многолетней работой они как бы оправдали затраты. И все же есть что-то неожиданное в этом страхе лишиться деревенского угла, «отрезать пуповину».

Но, с другой стороны, не является ли это чувством постоянства по отношению к своему крестьянскому укладу жизни? За этим укладом стоят столетия, а тут всего четверть века, как ты стал металлургом.

И все же борьба есть борьба, даже такая, совсем не антагонистическая. Что же делает завод, чтоб «перетянуть»?

Участок коллективного садоводства, к сожалению, очень невелик. Но такой участок могут получить лишь десять процентов желающих.

Общественный отдел кадров во главе с бывшим сталеваром Героем Социалистического Труда Амираном Панцулая выясняет обстоятельства ухода, беседует с людьми, нередко убеждает остаться на заводе.

Намеренно не говорим о молодежи, потому что это главный и очевидный резерв. Но вот для того, чтоб прививать этой молодежи чувство родного завода, создан здесь совет рабочих династий и наставников. Возглавляет его бывший доменщик, Герой Социалистического Труда Вардиш Коберидзе. Он привел на завод двух своих сыновей: один — сталеплавильщик, инженер центральной заводской лаборатории, другой — техник в цехе ремонта металлургического оборудования. Сын Амирана Панцулая — подручный сталевара в мартеновском цехе. У Шалвы Кухалейшвили, участника первой руставской плавки, два брата, сестры, двоюродные братья — все здесь. У Владимира Метревели, знатного сталевара, депутата Верховного Совета СССР, растут два сына — будущие сталевары.

И таких, в общем, тоже немало. В самом деле, кто должен заменить ветеранов, если не их сыновья? Наверно, у них уже не будет той тяги к деревне, какая была и есть у первого поколения руставских металлургов.

А пока пылают мартены, образуя металл, рядом идет другая плавка: человеческих настроений, взглядов, характеров, идей. Куда более сложный процесс!!

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРУСЯ БРОВКИ

ПОРА СЧАСТЛИВОЙ

Максим **ЛУЖАНИН**

Идет по земле июнь, червень по-белорусски. Червонным колером зажигает вишни в садах, подрумянивает кистью бока ранних яблок.

Большие заботы у этого месяца, и потому самые длинные дни. Успей скосить травы да не спускай глаз с хлебов, присматривай, как наливается и крепнет зерно в колосе.

На траве лежит сизая утренняя роса. Еще совсем рано, а в небольшом доме у Минского моря начинается трудовой день. Невысокий седой человек садится к столу. Легко пробегает ветерок за распахнутым окном, по-молодому хорошо думается, и мысли торопят руку.

Петрусь Бровка заносит на бумагу первую строчку. Как будто и нет за плечами семи десятков — все так же, как было.

Все, да не все! Семьдесят лет назад не было ни этого моря, ни этого дома, а Минску и не снилось, каким могучим и пригожим он станет сегодня.

Была бедная деревушка Путилковичи на Полотчине. Там в июне 1905 года родился девятый в семье — Петрусь.

Биографию поэта и его литературных сверстников в известной степени писало время, взметнувшее на революционной волне таланты из рабочей и крестьянской молодежи, а они общими усилиями создавали биографию времени.

На первый взгляд легко и просто. Но тщетно было бы пытаться выйти к столь примечательным свершениям без кровной связи и полного единомыслия с Октябрем.

Петрусь Бровка говорит от имени поколения, которое прошло со своей республикой нелегкий путь становления и строительства, защищало Советскую страну на фронтах, утверждало ее честь и достоинство со многих представительных трибун.

И оно, это поколение, неизменно стоит в поэтическом строю, принимая на себя заботу о завтрашнем дне Родины и планеты.

Земля, Земля!.. Ты многоцветна.
Тот цвет — отрадней, тот — мрачней...
Но тем эпоха и приметна,
Что кумача все больше в ней.

Сборник стихов Петруся Бровки, выпущенный в конце прошлого года Москвой и Минском, называется «И днем и ночью». Это весьма точная автохарактеристика неустанности своего поэтического труда.

По времени выпуска с названной книгой совпадают еще две: «Вместе с комиссаром» и «Пишу о сердце человечьем». Последняя несколько необычна в жанровом отношении. Здесь эссе и стихи, страницы воспоминаний и новеллы, отрывки из статей и выступлений.

Сложный и, казалось бы, неоднородный состав, а книга удивительно цельная. Герой ее — сам поэт — встает перед нами в полный духовный рост и от самых истоков творчества движется во времени как участник многообразных событий и дел.

Крестьянский подросток переписывает бумаги в военкомате, учится у комиссара распознавать своих и чужих. И вот он председатель сельского Совета, комсомольский работник, сотрудник газеты.

Появляются в печати первые стихотворные строки, и тем самым определяется призвание — поэзия!

Книга «Пишу о сердце человечьем» вводит нас в мир пристрастий и увлечений поэта, раскрывает обязанности долга и сердца. Купала и Твардовский, Колас и Рыльский, Прокофьев и Малышко, Исаковский и Нерис — автор как бы беседует с ними о дружбе, о мастерстве.

И более, возникают зримые черты века Ленина, советское содружество людей, объединенное душевно, сплоченное партией:

С октябрьских раскатов «Авроры»
Мы связаны дружбой навек.
И горестно всем, если горе,
А радостно — радость для всех.

Пора счастливой зрелости, зоркость очей и внутренняя убежденность художника позволяют поэту широко видеть жизнь вокруг. «Мне в мире до всего есть дело»,— читаем у П. Бровки.

Лучшие строки поэта посвящены родной природе, преображе-

Петрусь **БРОВКА**

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

ПАРТИЗАНСКИЙ ПЧЕЛОВОД

В густом бору в крутую пору
Тревог, опасностей, невзгод
Трудился доблестно и споро
Дед, партизанский пчеловод.
В лесном земляночном поселке
Держал он пасеку свою.
— Летите, пчелки,
Летите, пчелки.
Вы нам — помощницы в бою.

Он поднимался до восхода
Средь ульев, спрятанных в глуши.
В быту суровом пайка меда
Была усладою души.
Он действовал умело, с толком,
Провозглашая в ранний час:
— Летите, пчелки,
Летите, пчелки,
Вы как разведчицы у нас.

Во имя честного возмездья
Обшарьте рощи и луга
И приносите нам известья,
Напав на свежий след врага.
Жужжа, как острые осколки,
Настигнув недругов лихих,
Кусайте, пчелки,
Кусайте, пчелки,
Терзайте каждого из них.

А в нашей партизанской чаще
Бывает голодно порой...
Детишек, раненых, болящих,
Ты подкрепи, гудящий рой.
Родные, помните о долге
И, завершая свой облет,
Несите, пчелки,
Несите, пчелки,
Целебный, животворный мед!

...В дни испытаний, в час блокады,
Вели мы трудные бои.
Росли отряды и бригады,
Росли пчелиные рои.
Победа после схваток долгих.
Старик ликует в мирный час:
— Летите, пчелки!
— Летите, пчелки!
Луга распахнуты для вас.

•

Изрек мой критик,
Шустрый малый,
Знаток удач и неудач,
Что лира не по мне, пожалуй,
Что я не лирик,
А трубач.

Да, я трубил,
Трубил тревогу,
Мечтал солдату быть под стать,
Играл побудку,
Звал в дорогу,
Чтоб нам Победу не проспать.

Да, на войне
Дружило слово
И с автоматом и с трубой,
Да, я шагал в цепи стрелковой
Из боя в бой,
Из боя в бой.

Ах, критик...
Защитила лиру
Труба бывалого бойца,
Чтоб лирика
Служила миру,
Лечила раны и сердца.

Трубы надежная подруга,
Со мною лирика дружна.
В пылу труда,
В часы досуга
Звенит, звенит
Ее струна.

В ЯЛТЕ

Памяти Максима Богдановича

Я голову склоняю снова
Здесь, в тишине погожих дней,
Перед твоим последним словом,
Сын Белоруссии моей.

Все та же даль, и солнце то же
Над каменистою тропой,
И гор пологое подножье,
И несмолкающий прибой.

ЗРЕЛОСТИ

нию отсталого некогда края в цветущую социалистическую республику.

«Каждое утро радуюсь хлебу», — говорит поэт и слагает в честь него вдохновенную песнь. По знакомым с детства просторам шагают «Т»-образные стальные фермы. В них видится поэту начало слова «Титаны» — автограф рабочего класса своей земли. Не только по обличью, по самой душевной сути стала она иной.

Тем более страстно, с публицистическим пафосом, горячим гражданским темпераментом отвергает поэт все, что может стать помехой новой жизни. Вдоволь приходилось встречаться с горем ему самому, его землякам и товарищам. Доселе «каждому пепел в сердце стучит»,— значит дороги лихолетью и ненастью будут надежно перекрыты.

С каждым днем все ближе и ощутимее будущее, новые всходы, новые наследники земли. Как же не приложить все силы, «чтоб живое росло, чтоб живое цвело»...

Петр Устинович Бровка, народный поэт Белоруссии, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, прошел замечательный путь.

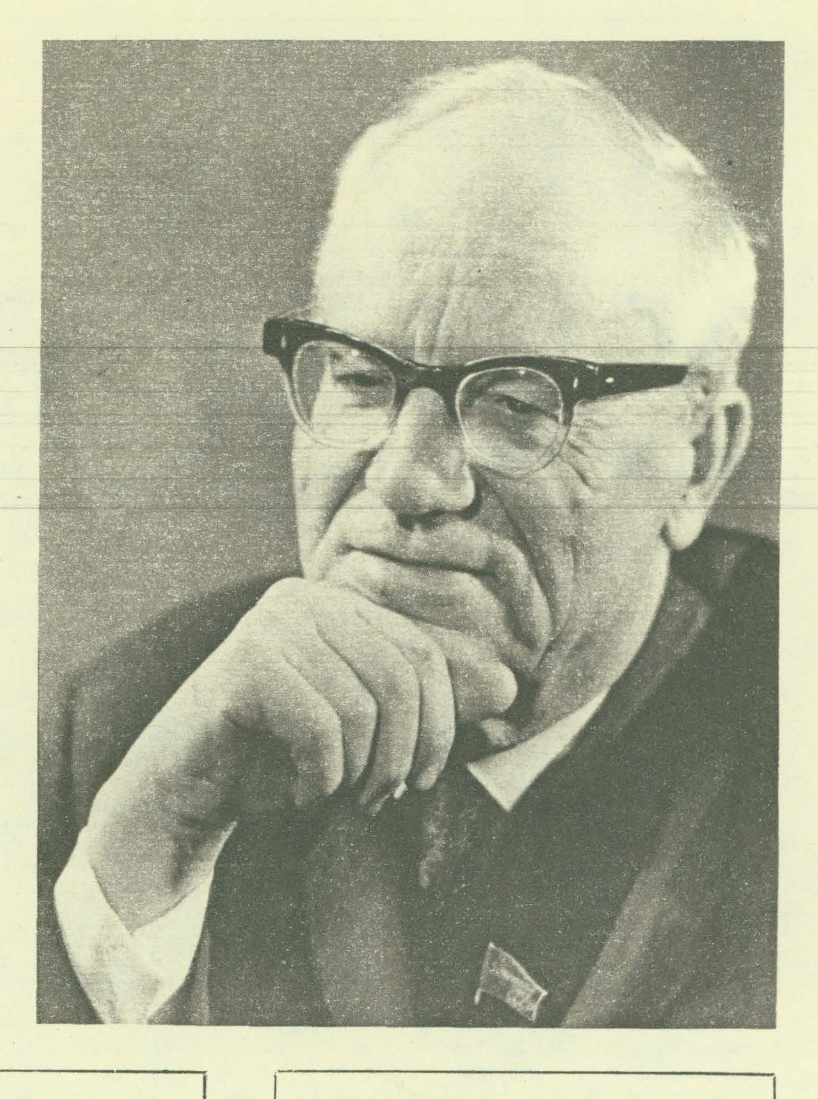
Военные дороги, работа во фронтовой и партизанской печати, высокие обязанности депутата, защита мира, участие в работе ООН — вот звенья постоянного служения народу.

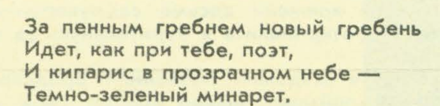
Вспомним добрым словом и умелую организацию литературного процесса в республике, когда П. Бровка долгое время стоял во главе Союза писателей Белоруссии, а позже налаживал такое ответственное издание, как Белорусская Советская Энциклопедия.

Предельная слитность с народом, неотрывность от его судеб и свершений сказываются в полноте чувств поэта, в прозрачности новых его стихов:

Грущу иль выгляжу счастливым,
Вы прочитаете в глазах,
Как в этот день живется нивам,
Деревьям и цветам в садах.

Мы рады слышать добрый и проникновенный голос Петруся Бровки, зовущий в новые просторы жизни и поэзии.

За пенным гребнем новый гребень
Идет, как при тебе, поэт,
И кипарис в прозрачном небе —
Темно-зеленый минарет.

И воздух осени хрустальный,
И моря синий, синий цвет,
И белых чаек стон печальный,
Все, как тогда... Тебя лишь нет.

●

Я вверх иду.
С горы видней.
Под обнаженной крутизной
В расселине
Среди камней
Сияет море предо мной.

В той узкой прорези,
Широк,
Весь умещается залив.
Но впереди
Возник дымок,
Обзор негаданно закрыв.

Дым невелик,
Но вот беда,
Залив и горы он затмил.
Увы,
За малым иногда
Не разглядишь огромный мир.

Должно быть, это не случайно.
Любого с самых малых лет
Влечет разгадка давней тайны,
Желание найти ответ.

Когда в полях столбы гудели,
Мне помнится, казалось нам,
Цепочки слов на самом деле
Гуськом бегут по проводам.

Все люди в поиске недаром
В рассветный час и в поздний час.
И юным чудится и старым,
Что с Марса окликают нас.

Друзья, уж если нас назвали
Поэтами, мы в свой черёд
Стихами платим... Но едва ли
Мы малую частицу дали
Тех поэтических щедрот,
Которых время наше ждет.

Тобою сызмала горжусь я,
Мой белорусский отчий дом.
Я не хочу, чтоб слово «гуси»
Служило рифмой Беларуси.
Мой край, мы в мужестве твоем
Нашли созвучие с орлом.

Скажу вам так, друзья-поэты,
Еще достойно не воспеты
Высоты душ, красоты рек.
Мечтаю, скромный человек,
Чтоб ваших ярких строф кометы,
Взлетев, не гасли бы вовек.

Натура, видно, уж такая,
Но человеку день за днем
Всегда чего-то не хватает,
Таится беспокойство в нем.

Проснулся — все нормально вроде.
Нет, есть изъяны кое-где:
В делах, в любви, в словах, в погоде,
В одежде, наконец, в еде.

Исканий новая страница.
К себе, к другим предельно строг,
Весь мир улучшить он стремится,
И в том движения залог.

Один закон для всех людей:
Подрос? Работа есть везде.
А ты, как лодырь-воробей,
Торчишь у аиста в гнезде.

Гнездо построено всерьез,
Владелец не жалел труда.
Ты ж и соломки не принес,
Чтобы помочь ему тогда.

Нет, от стыда ты не сгоришь.
(О иждивенческая прыть!)
Подстилкой мягкой шебуршишь,
Хозяину мешая жить.

Ему такое не впервой.
Он терпит... До каких же пор?
Спеши приют построить свой,
Ведь клюв у аиста остер.

ГРАФОМАНУ

Ни благозвучья, ни отваги,
Ни мысли — только вечный зуд.
Напрасный перевод бумаги.
Настырный и унылый труд.

Одно скажу тебе по чести:
Себе и людям дай покой.
Довольно молотком по жести
Стучать бесцельно день-деньской.

Живая скорость мысли — это
Богатство главное людей.
Как быстро ни летят ракеты,
А мысли движутся быстрей.

Пройду моря и океаны,
К своей любимой прилечу,
На Марсе окажусь нежданно —
Мне это в мыслях по плечу.

В пространстве мысль моя несется —
Времен связующая нить.
То стану древним полководцем,
То в дни Помпеи буду жить...

Воображение поэта
Мощней всесильных скоростей.
Мгновенный взлет раздумий — это
Богатство главное людей.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

БОЛЬШОЙ ХУДОЖНИК

**Б. ЩЕРБАКОВ,
член-корреспондент
Академии художеств
СССР**

Меня восхищает в произведениях Бродского, после его дивных, тонких линий истинной красоты, его колорит: скромный, глубокий, своеобразный и всегда неожиданный, — как его творчество.

И. Е. РЕПИН.

...В степных просторах Тавриды неподалеку от городка Бердянска раскинулось село Софиевка.

Судьбе было угодно, чтоб в этом ничем не примечательном уголке южной России 6 января 1884 года в семье мелкого торговца родился мальчик и был наречен Исааком.

В раннем возрасте начали определяться наклонности, необычные для той среды, в которой рос ребенок. Его детские мечты и наблюдения сохранились в ряде альбомов, зафиксированные трудно управляемым карандашом.

Однако другая страсть с еще большей силой завладела его воображением. Это была музыка. Звуки скрипки пленяли и завораживали. Желание стать музыкантом поглотило все остальное. Из грошей, выдаваемых на сладости, копилась сумма, необходимая на покупку скрипки.

Впрочем, учитель бердянской школы, давно обративший внимание на способности мальчика к рисованию, рекомендовал отправить его в Одесскую рисовальную школу, что и было сделано.

В Одессе в то время преподавали талантливые художники К. Костанди и Г. Ладыженский, прививавшие молодежи вкус к серьезному изучению натуры.

Юный Исаак Бродский вскоре обращает на себя внимание упорным трудом в освоении премудростей искусства. Ему, рожденному в степном селении, получившему начальное образование в уездном городке, Одесса казалась столичным городом европейского масштаба. Гастроли итальянской оперы, концерты виртуозов, в том числе несравненного скрипача Сарасате, художественные выставки, великолепная библиотека — было от чего всколыхнуться чуткой, восприимчивой душе. Общение с художниками-профессионалами, с талантливой молодежью, среди которой были ставшие впоследствии знаменитыми М. Мартыщенко (М. Греков), С. Сорин, С. Колесников, также способствовало быстрому развитию дарования будущего художника.

Если прибавить к этому, что для юноши Бродского пришла и незабываемая пора первой любви, то можно понять, почему одесский период своей жизни он считал счастливым и светлым.

Прошло несколько лет. В 1902 году он становится студентом прославленной Петербургской академии художеств, из стен которой вышли все великие мастера русской школы, такие, как Брюллов, А. Иванов, Суриков, Репин.

Юноша из Софиевки и здесь быстро занимает заметное место. Уже через год он становится одним из любимых учеников Репина. Имя великого художника привлекало талантливую молодежь, мастерская была переполнена, и попасть в нее было нелегко.

Бродский сознательно и целеустремленно шел к цели. Всепоглощающая страсть к искусству рождала поразительное трудолюбие и как результат — быстрое освоение сложных профессиональных задач, поставленных требовательным учителем.

«Как я счастлив, что учусь у великого художника, как мне повезло! На днях Илья Ефимович похвалил мой этюд «Старик» перед всей мастерской, назвал его образцовым. Я очень горжусь этим»,— пишет он родным.

Отец мой, учившийся в то же время в мастерской Репина, вспоминал, как Илья Ефимович, умевший искренне восторгаться проявлением таланта, удачами своих учеников и товарищей, столь же бурно обрушивал и свой гнев, встречаясь с верхоглядством, пустым щегольством, желанием приобщиться к входившим в моду модернистским веяниям. «Мастера! Мастера!!! — восклицал он с иронией, останавливаясь около таких работ, и добавлял сердито: — Гнать бы вас отсюда грязной метлой!»

Поэтому порой, когда вдруг неожиданно распахивалась дверь в мастерскую и вбежавший громким шепотом возвещал: «Илья Ефимович идет!» — иные «мастера», до того времени весьма самоуверенные, спешно клали кисти на палитру и ретировались в курительную во избежание встречи с громовержцем.

Четыре года упорной работы в академии позволили Бродскому сказать: «Я сильно подвинулся в пейзаже, нашел «себя», свой почерк. Я обрел его в ажуре ветвей, музыке листвы, в скромном, но глубоко поэтическом звучании северной природы».

Именно в то время он создал один из самых поэтичных пейзажей — «Сквозь ветви», свидетельствующий о зрелом мастерстве и той музыкальности, которая станет одной из характернейших черт его пейзажной живописи. «Я брал у музыкантов уроки мастерства,— писал он.— Выступления скрипачей-виртуозов оказали едва ли не решающее влияние на характер моего рисунка и живописной техники». Эта особенность — стремление к постижению гармонии не только в сдержанном звучании красок, но и в музыкальном ритме линий, позволила Бродскому занять особое место в русской пейзажной живописи предреволюционных лет.

Этим, однако, не ограничивается многогранный талант Бродского. Во время революции 1905 года он принимает активное участие в иллюстрировании сатирических журналов, пишет эскиз-картину «Красные похороны» — первое полотно на историко-революционную тему.

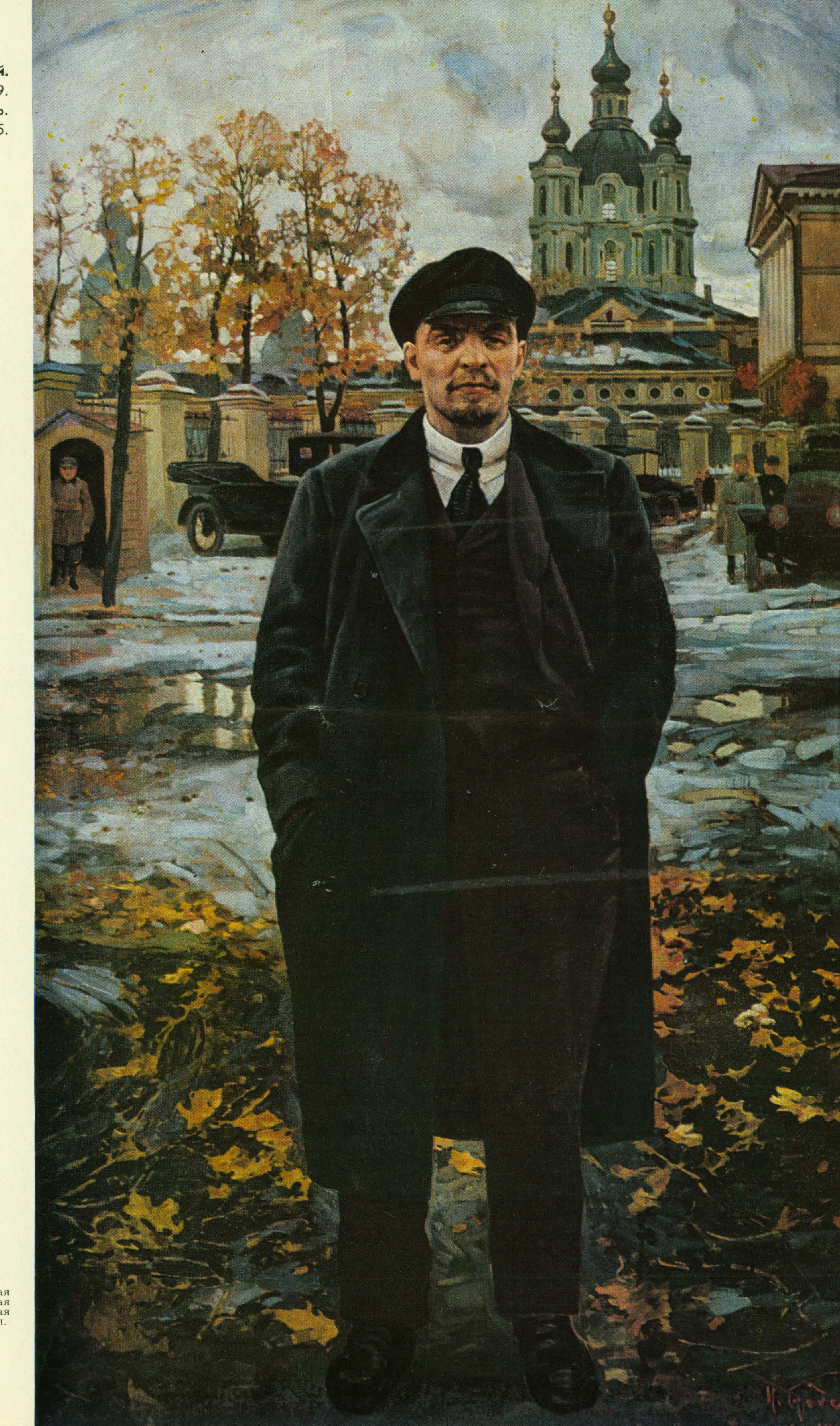
1908 год стал знаменательным в жизни художника. Окончание академии, женитьба на Любови Марковне Гофман, той, что еще в ранней юности пленила его сердце. За ее портрет он получает звание художника с правом на заграничную поездку. Большой успех имеют его работы на академической выставке. Они получают одобрение таких строгих ценителей искусства, как Валентин Серов, пророчески сказавший о Бродском: «Он одинаковый мастер во всех манерах и везде интересен. Предсказываю ему прекрасное будущее».

Все благоприятствовало развитию таланта художника. Впереди было знакомство с шедеврами мирового искусства в европейских музеях. Великие мастера убеждали в вечной жизненности их творений, современные ему «авангардисты» отталкивали. «Я мельком осмотрел это странное искусство, крайности школы, ужасающую живопись недоучек и сумасшедших»,— записывает он впечатления от парижского Салона «независимых» 1909 года. В эпоху великих шатаний и натиска различных «измов» молодой художник занимает твердую, принципиальную позицию и совершенствует свое мастерство.

В Мадриде, в музее Прадо, он покорен Веласкесом и Гойей. Под влиянием рисунков последнего и, конечно, ярких жизненных впечатлений корриды он пишет картину «Бой быков в Мадриде». Совет академии, одобрив привезенные пенсионером работы, продлевает командировку на второй год, и на сей раз Бродский отправляется в Италию. Знакомство с Горьким, жившим тогда на Капри, переходит в дружбу, сохранившуюся до конца жизни писателя. Он пишет большой портрет Алексея Максимовича и маленький, почти миниатюрный — М. Ф. Андреевой с характерным для его живописи пейзажным фоном в стиле «ажур».

Во время этой поездки написана также и картина «Сказка» — поэтическое осмысление художником впечатлений от Италии.

И. Бродский.
1884—1939.
ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ.
Около 1925.

Новосибирская
областная
картинная
галерея.

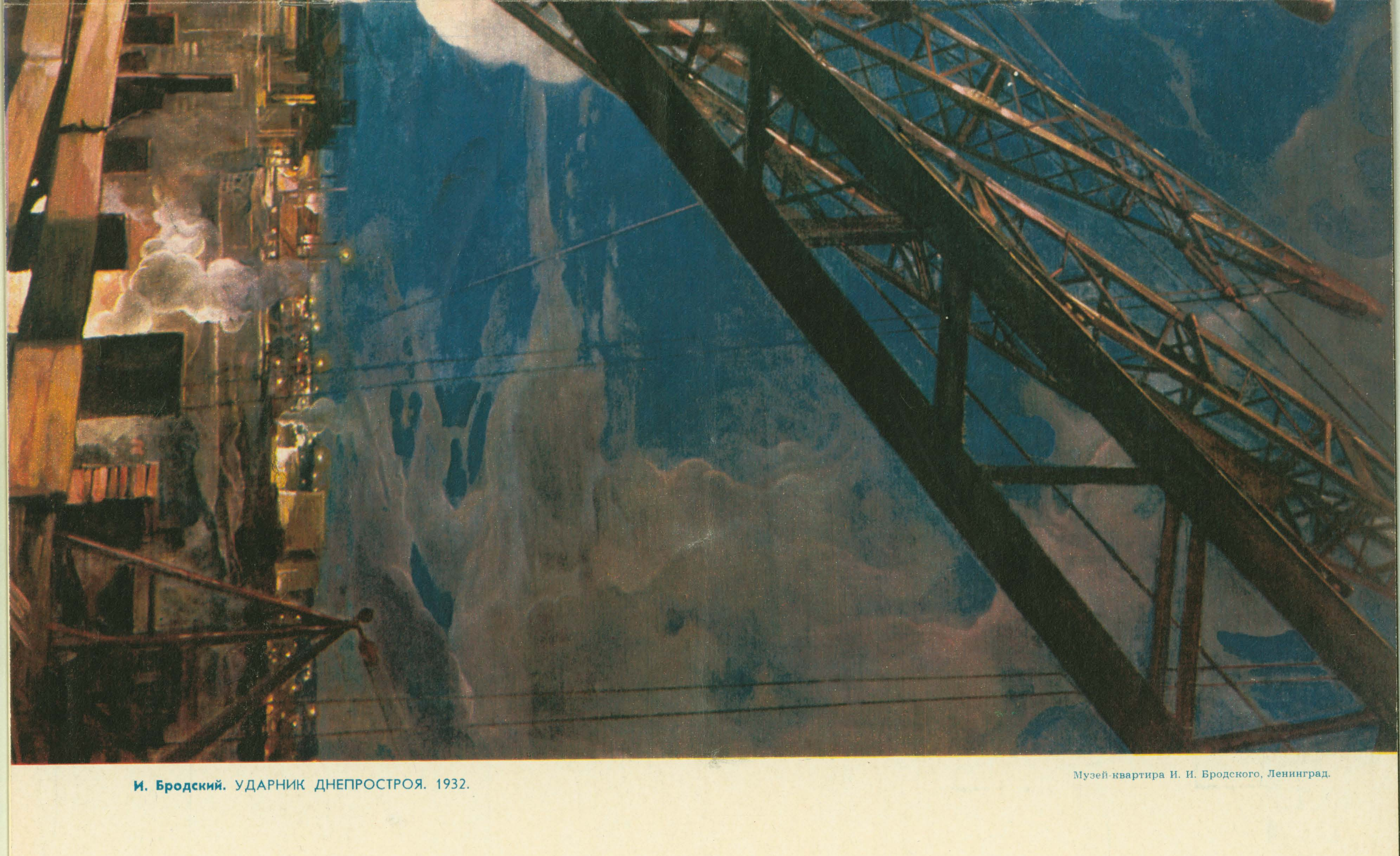
И. Бродский. АЛЛЕЯ ПАРКА. 1930. Государственная Третьяковская галерея.

И. Бродский. ПОРТРЕТ И. Е. РЕПИНА. 1912.

Музей-квартира И. И. Бродского, Ленинград.

СКВОЗЬ ВЕТВИ. 1907.

И. Бродский. УДАРНИК ДНЕПРОСТРОЯ. 1932.

Музей-квартира И. И. Бродского, Ленинград.

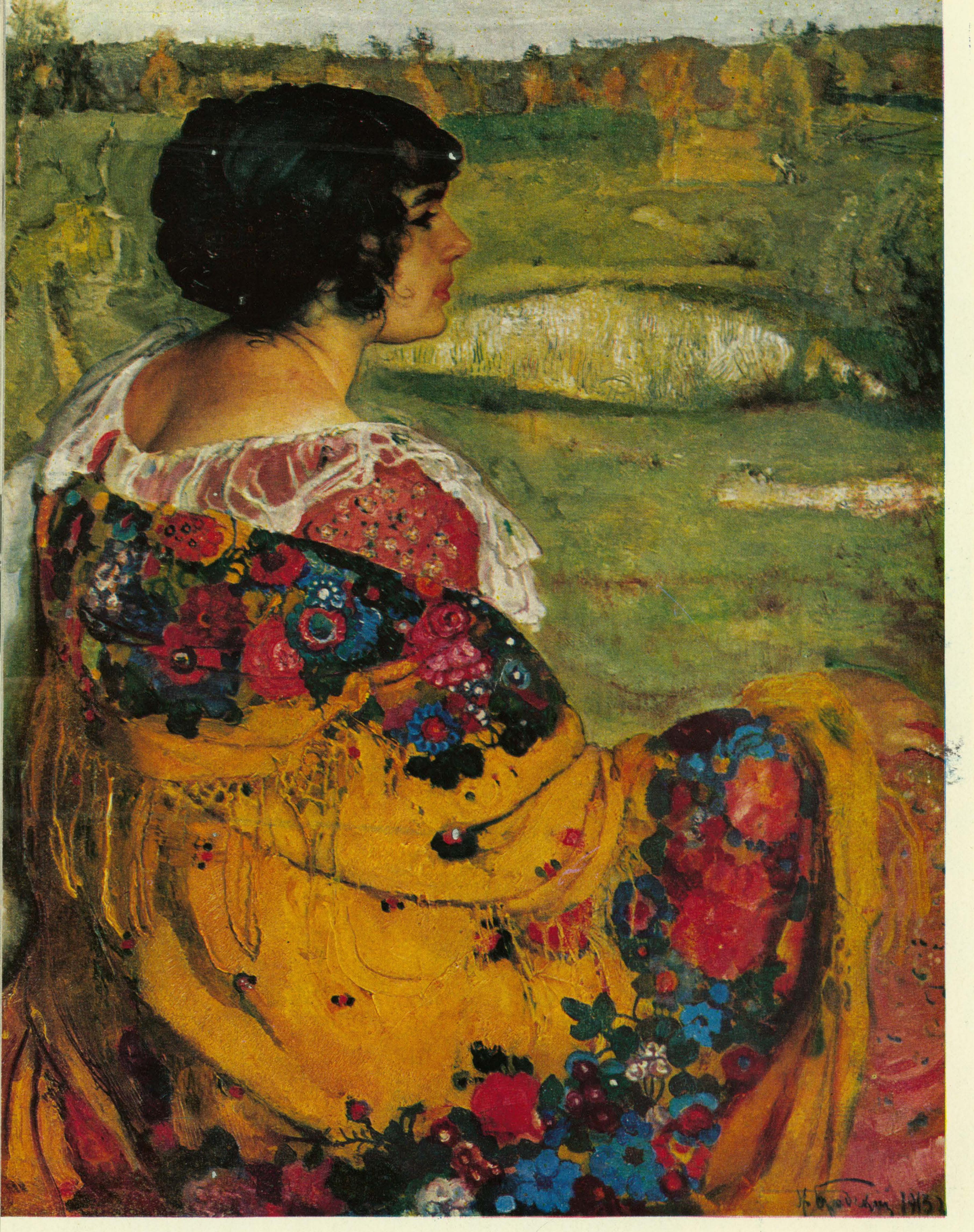
И. Бродский. СКАЗКА. Вариант. 1911.

БОЙ БЫКОВ В МАДРИДЕ. 1909.

Музей-квартира И. И. Бродского, Ленинград.

И. Бродский. ПОРТРЕТ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ. 1910.

Музей-квартира И. И. Бродского. Ленинград.

И. Бродский. ПОРТРЕТ Л. М. БРОДСКОЙ. 1913.

Киевский музей русского искусства.

Мастера итальянского Ренессанса оставили глубокий след в творчестве Бродского. Сквозь тонкость и изящество линий, столь высоко оцененных Репиным, прослушиваются как бы издали звучащие мелодии боттичеллиевских ритмов, вспоминаются светлые образы Филиппо Липпи, Пинтуриккио, Гирландайо.

Очарованный художник, как трудолюбивая пчела, собирает нектар шедевров итальянского искусства, который потом органически войдет в сложный сплав его творчества. Не случайно в отчете Академии Бродский пишет: «Полгода жить в такой стране, богатой искусством, как Италия, ничтожное время, и моя мечта не один раз там еще побывать и работать».

Мечту эту осуществляет он через год, но едет уже с семьей на свои средства, полученные в виде премии за картину «Сказка». Горький снял для него неподалеку от себя домик, художник поселяется и сразу же начинает работу над большой картиной «Италия», явившейся ярким и значительным финалом его творчества за границей.

Для произведений этого времени характерно стремление соединить строгое и поэтичное искусство художников Возрождения с насыщенной светом и воздухом живописью мастеров импрессионистического направления, таких, как Англеда и Сегантини. Это был период большого подъема, окрыленности творческого духа, о чем хорошо сказал сам Исаак Израилевич: «Видя то лучшее, что было создано великими гениями человечества, невольно самому хотелось работать с таким же напряжением сил, с такой же любовью к искусству и фанатической верой в труд».

На родине пятилетие перед Великим Октябрем было необычайно плодотворным. Художник понимал, что от него ждут значительных произведений, ждет публика, товарищи. Ждали Репин и Горький. Они оба с большим вниманием и любовью следили за творчеством молодого художника, поддерживали в минуты сомнений и неуверенности в себе, неизбежные для каждого талантливого человека, прокладывающего свой нелегкий путь к вершинам искусства. А ведь это было время великих шатаний, ниспровержения авторитетов, «переоценки ценностей». Время крикливых манифестов псевдоноваторского «авангарда» всех мастей — от кубизма до абстракционизма, бойких лозунгов вроде «Реализм и бездарность — синонимы», травли мастеров реалистического направления, не сдающих своих позиций.

Не случайно Бродский говорил: «Репин и Горький, эти два величайших художника-реалиста, были теми маяками, которые указывали мне настоящий творческий путь, путь реалистического искусства».

В предреволюционные годы художник создал огромное количество пейзажей и целую портретную галерею, в которую входят такие замечательные работы, как портрет О. Талалаевой, Л. Бродской и многие другие. В портрете жены художник, как и в большинстве произведений, показывает себя поэтом, способным передать душевное состояние человека. В смысле тонкости и точности рисунка этот профиль можно отнести к лучшим образцам русского искусства той эпохи.

Тогда же он пишет несколько портретов вместе с Репиным. Но, видимо, великий маэстро подавлял своего ученика бурным темпераментом, и тот, не в силах противостоять, теряя собственное ощущение, где-то изменял себе. Так было и с портретом Репина. Начатый горячо, вызвавший тотчас бурные восторги портретируемого, потом он приносит автору разочарование, несмотря на сохранившееся сходство.

С большой любовью отзываясь о своем ученике, Репин очень точно определяет некоторые его черты: «Особенность творчества Бродского — тонкость и изящество линий. Это свойство редкое и драгоценное. Оно говорит о глубокой любви к искусству и о той скрытой красоте, которую не всякий художник постигает в натуре...»

Бродский прочно занимает одно из видных мест в русском искусстве.

С первых дней революции он без колебаний берет кисть в руки, чтобы стать летописцем эпохи великих свершений. Так с началом новой эры в истории государства начинается новая тема в творчестве художника. Она потребовала и новой формы выражения — простой, доступной самым широким массам новых зрителей.

Создается Лениниана, одна из первых в советской живописи. «В. И. Ленин в Смольном» до последних лет пользуется успехом на международных выставках, например, в Монреале, принося славу нашему искусству.

В Лениниане Бродского большое количество сложных композиций, портретов, к числу которых относится и «Великий Октябрь» — Ленин на фоне Смольного. Это портрет-картина, в которой чувствуется суровое дыхание революции.

Однако нельзя сказать, что вхождение и утверждение искусства Бродского и других мастеров его круга в послереволюционный период было легким и безболезненным. Не случайно в 1922 году группа художников-реалистов обратилась непосредственно к Ленину с просьбой обратить внимание на ошибки в политике Наркомпроса.

Приходилось отстаивать реализм от тех, кто, прикрываясь псевдореволюционной фразой, призывал бить скульптуры, резать полотна великих мастеров, кто отвергал станковую живопись как якобы «мертвый инвентарь прошлого», признавая лишь так называемое утилитарное «искусство делать вещи». На выставках появлялись «конструкции» из досок, консервных банок и опилок. Искусство отрицалось как идеология, сводились на нет его общественные функции. Реализм, школа называлась вредным балластом. Чаще всего такие анархистские настроения должны были оправдать безграмотность, неумение владеть средствами высокого мастерства.

Партия решительно осудила тех, кто пытался порвать связи новой, социалистической культуры с лучшими достижениями культуры общечеловеческой. Резко критиковались не имеющие ничего общего с революционностью призывы «левых», которые прививали народу нелепые, извращенные вкусы.

23 апреля 1932 года ЦК ВКП(б) принял постановление о перестройке литературно-художественных организаций, резко изменившее творческую атмосферу в искусстве и литературе.

И. И. Бродский назначается директором Всероссийской Академии художеств и вскоре награждается орденом Ленина. Он энергично принимается за работу. К преподаванию привлекаются опытные, талантливые художники. Многие выпускники за отсутствием профессиональных знаний переводятся на младшие курсы. Восстанавливается музей академии, упраздненный в бурные годы власти ниспровергателей. Из подвалов были вытащены этюды и рисунки Брюллова, А. Иванова, Чистякова, Репина, Рябушкина, Малявина и многих других замечательных русских мастеров. Началось серьезное изучение всех наук, необходимых художнику-реалисту.

Всего шесть лет был Бродский директором академии, и трудно поверить, как много было сделано за этот короткий срок. Академия превратилась в школу, с которой вряд ли могло соперничать какое-либо учебное заведение такого типа в любой другой стране мира.

Он не был педагогом в обычном понимании этого слова, но глубоко понимал существо дела и имел довольно силы и авторитета, чтобы дать ему нужное направление. Бродский учил серьезному отношению к искусству и проповедовал это с большой настойчивостью. Сам неутомимый труженик на ниве искусства, он не раз говаривал молодым: «Помните, апостол Лука был шефом-покровителем художников, его символом был вол, терпеливо обрабатывающий поле. Мастерство завоевывается упорным трудом, вдумчивым изучением натуры, проникновением в тончайшие ее детали».

Его советы были кратки и афористичны. Все помнят обращение Исаака Израилевича к начинающим: «Вооружайтесь маленькой кисточкой и большим терпением». За этой фразой — целая жизнь, полная неустанного труда, поисков совершенства, влюбленности в свое дело.

Зная великую силу примера, Бродский иногда брал кисть в руки, исправляя работу ученика. Обращая внимание на творения корифеев прошлого, учил по крупицам собирать все ценное, которое может быть необходимо в личном творчестве.

Верный доброй традиции своих учителей, он всюду искал и поддерживал таланты. Результаты его усилий были значительны. Целая плеяда талантливых советских художников в той или иной степени обязана ему своим формированием. Среди них — А. Лактионов, В. Серов, В. Орешников, А. Грицай, Ю. Непринцев, Л. Бродская, П. Белоусов, А. Яр-Кравченко, А. Зарубин, В. Ховаев, М. Козелл и многие другие.

И в моей судьбе решающую роль сыграл Исаак Израилевич. Незабываем сентябрьский день 1933 года, когда отец, просмотрев мои пейзажи, привезенные после двухмесячной поездки на Псковщину, сказал:

— Пожалуй, пора, можно показать Бродскому!

Старый товарищ отца по академии, по мастерской Репина, хорошо знакомый мне по рассказам о днях их студенческой жизни, а также уже известный своей деятельностью в качестве реформатора новой академии, он внушал мне трепет и уважение.

— Вот, Исаак, сына к тебе привел,— сказал отец, после взаимных приветствий,— посмотри его этюды!

Я раскладывал на хорошо натертом паркете ректорского кабинета свои небольшие картоны и холстики, с волнением ожидая решения.

Бродский был немногословен.

— Пусть приходит,— сказал он, обращаясь к отцу и ко мне: — Зайди завтра домой, я дам тебе рисунки Гольбейна для копирования.

— Рисунок — основа живописи!

На следующий день, выходя из квартиры художника на площади Искусств, переполненный впечатлениями от встречи с произведениями редчайшей коллекции Бродского, я уносил с собой огромный фолиант в тонком кожаном переплете с великолепными репродукциями рисунков Гольбейна и советы мастера, запомнившиеся навсегда.

Все ученики И. И. Бродского вспоминали и вспоминают, каким чутким, серьезным педагогом и обаятельным человеком, готовым прийти на помощь ищущему серьезных путей в искусстве, был этот замечательный художник. Внешне всегда спокойный, никогда не повышавший голоса, без бурных жестикуляций, он таил в глубине души большой огонь, который мог подвигнуть его на те огромные свершения, которыми полон краткий жизненный путь художника. Спокойно, но очень убедительно он аргументировал свои принципы в искусстве. Например, на упреки в том, что его живопись не видна с большого расстояния, невозмутимо отвечал: «Если на площади играть на скрипке, ее не будет слышно. Там нужны барабан и трубы. Слушайте скрипку в концертном зале».

* * *

Он начал и кончил рано. Жизнь, проведенная в постоянной борьбе, в работе, в стремлении к совершенству, оборвалась на пятьдесят шестом году. Теперь, когда видишь, как велико и прекрасно творческое наследство, оставленное этим замечательным мастером, понимаешь, что поистине надо было не выпускать кисть из рук, чтобы за столь небольшой срок сделать так много.

Исаак Израилевич Бродский принадлежит к числу недюжинных натур. В начале жизни обласканный фортуной, вдохновленный великими художниками эпохи, он вскоре вступает в борьбу и смело подставляет свою грудь под удары, не отступая, не угодничая перед тем, с чем не могла смириться его художническая совесть. К сожалению, нельзя собрать всего, что было сделано мастером, но даже то, что было показано на выставке, организованной Академией художеств СССР весной этого года, дает представление о выдающемся советском живописце, который, как заметил еще в 1908 году Валентин Серов, «везде интересен».

БЕРЕГ

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Часть третья

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Глубокой ночью Никитин спустился в бар за сигаретами и, возвращаясь, уже выйдя из лифта в длинный коридор своего этажа с единообразными серыми прямоугольниками дверей, вдруг почувствовал, что забыл или не запомнил четырехзначную цифру занятого им номера,— и все эти размытые коридорным полусумраком двери представились ему совершенно одинаковыми. Он помнил, что, уходя, оставил включенной над постелью маленькую лампу, уютно и как бы стыдливо обернутую зеленым абажуром-юбочкой; и, хорошо помня об этом ориентире, наугад дважды толкнулся в незапертые комнаты с надеждой увидеть огонек ночника над кроватью, но там не горел свет, и душная, пахнущая синтетическими коврами темнота обдала его храпом, стонами, бормотанием спящих людей. Он минуту постоял, готовый иронически посмеяться над нелепостью положения:

«Н-да, чрезвычайно занятно, что называется — заблудился в трех соснах...»

Спал весь отель, и вдоль слабо освещенного пригашенными бра коридора призрачно темнели на бесконечной дорожке вереницы женских и мужских туфель, выставленных сюда для утренней чистки этажной прислугой.

«Славу богу, ботинок я не выставлял. Значит, здесь»,— подумал Никитин перед номером, где не было обуви, не без облегчения нажал на полированную ручку и теперь, не испытывая ни малейшего сомнения, шагнул в комнату.

И сейчас же в заминке остановился — яркий свет люстры и зажженных торшеров соединенным потоком хлынул ему в глаза; запахло пряным; от круглого журнального столика, заставленного бутылками, над которыми слоился сигаретный дым, настороженно обернулись двое мужчин, одетых в вечерние костюмы — черные галстуки выделялись на белых рубашках. Один, высокий, прямой, с иссиня-выбритым костлявым лицом, встал, устремленно подошел вплотную к Никитину, всматриваясь неузнающими глазами, затем пьяно и косноязычно сказал что-то на неизвестном немецком диалекте и, усмехаясь, кивнул на женщину, совсем молоденькую, совсем девочку, с короткими волосами, лежавшую на кровати поверх одеяла, полураздетую; сигарета дымилась в откинутой руке на подушке.

— Entschuldigen Sie bitte,— выговорил необходимые слова извинения Никитин и попятился в коридор, будто выталкиваемый прочь из номера хрипловатым женским смехом, и дверь захлопнулась.

На всем этаже стояла тишина, мертвенная, бескрайняя.

В полном безмолвии отеля он опять постоял несколько минут, уже с досадой, раздражением хмурясь, еще почему-то не разубежденный в том, что его номер именно и есть тот номер, в котором сидели двое неизвестных людей, а это походило на какое-то сумасшествие.

«Что за чушь! Они не могли быть в моем номере! Двое мужчин... и с ними женщина? Не может быть этого!»

Но в то же время его начинало охватывать почти необъяснимое чувство страха, подсознательного и неотвратимого, как во сне.

И это было точно такое же чувство, какое он пережил четыре года назад в осеннем неуютном Чикаго. Поздним вечером после какого-то приема, моясь в ванной своего огромного, мрачноватого, расположенного на шестнадцатом этаже номера, он сквозь шум воды расслышал двойной щелчок повернутого в замке ключа, тихое движение, легкий шорох и, быстро подняв голову, вздрогнул, покрываясь колючим ознобом: в раскрытую дверь ванной осторожно ступил какой-то длиннолицый незнакомый человек в намокшей шляпе, проскользнул по косяку плащом, осыпанным каплями дождя, и застыл черной фигурой на пороге, держа одну руку в кармане.

От страшного крика Никитина: «Кто вы? Какого черта вам здесь нужно?» — человек этот, кривясь ртом, качнулся бесплотным привидением назад и растаял, исчез, вроде его и не было. И тогда, ничего не понимая, выключив воду, роняя клочья мыльной пены, Никитин подбежал к входной двери, тщательно проверил замок, ощупал ключ. Замок был заперт на два поворота. Потом, не без подозрительности осмотрев номер — даже складки портьеры, бельевой шкаф, узкое пространство под кроватью, он выглянул в коридор, по-американски широкий, пусто освещенный из конца в конец,— там никого не было. И в тот миг, унимая биение сердца, он уверял себя, что ему все привиделось, показалось, что это тихое внезапное появление неизвестного человека в плаще могло быть только галлюцинацией, результатом долгого напряжения нервов. Ведь он отлично помнил, что, придя в номер, закрывал на два поворота ключа дверь, прочитав карточку-предупреждение, положенную, по-видимому, администрацией отеля на подушку: «Перед сном не забудьте закрыться на ключ». Никитин, однако, не мог успокоиться мыслью, что это была галлюцинация,— нет, он реально различил четкие щелчки ключа в замке, шорох плаща и ясно видел на пороге того человека, вошедшего в ванную, его шляпу, мокрый плащ, черты его бритого лица. «Кто это был? Зачем? В двенадцать часов ночи!..»

И Никитин, расстроенный, подавленный отвратительным лохматым страхом, без сил лежал в тишине своего пропахшего сигаретным дымом номера, погруженного в ночную неподвижность чикагского отеля, вновь вспоминая лицо человека, застегнутый плащ, увиденные им до мельчайших деталей. Потом он все же пришел к трезвому выводу: тот человек в плаще, наверное, будучи демоном надзора, получил неточную информацию о времени прихода Никитина в отель, что было вероятнее всего; невероятным же было то, что, слыша шум воды из номера, он живым привидением вошел, возник зловещей фигурой в ванной, как патологический убийца, маньяк из фильмов Хичкока — подобное действие Никитин объяснял элементом чисто психическим.

А позднее целую неделю его мучило и не покидало ощущение, похожее на непрекращающуюся зубную боль.

И сейчас, оглядываясь посреди пустынного коридора спящего немецкого отеля, среди нескончаемо унылого лентообразного кладбища женских туфель, мужских остроносых полуботинок, темневших у сплошь закрытых дверей, он вдруг с тою же тянущей болью ощутил свою заброшенность в накрытом тьмой, погибшем и погасшем мире, как будто навечно остался один в этом давно вымершем отеле, где, казалось, много лет не было никаких признаков человеческого дыхания и лишь напоминанием о когда-то живших здесь людях тянулись эти нетленные молчаливые вереницы туфель в безлюдном пространстве коридора.

«Очень интересно! Что мне приходит в голову? Сумасшествие так начинается или как-нибудь иначе?» — подумал Никитин и сжатый нарастающей тоской, одержимо подчиненный единственной мысли — скорее, скорее найти свой номер, уйти скорее из этой мертво давящей пустыни коридора,— он толкнул первую дверь справа, возле которой не было обуви, и тотчас навстречу ему густо пахнуло горячей темнотой, запахом лаванды, смешанным с запахом голого тела и влажных простынь.

«Нет, не этот! Какой же идиотизм!» И он, зло смеясь над собой, в растерянности, уже близкий к отчаянию, торопливо и решительно налег рукой на следующую дверь, но дверь эта не поддавалась: она была заперта изнутри...

Комната Никитина оказалась через два номера.

Когда он вошел и увидел знакомый огонек абажурчика юбочкой, покойно распространявший в полумрак зеленоватый ровный свет над постелью, отвернутую им перед уходом теплую перину-одеяло в белоснежном пододеяльнике-конвертике, свои вещи на письменном столе, свой чемодан на деревянной подставке и развернутый на подушке, весь сияющий зеркальным глянцем цветных фотографий «Штерн», что просматривал ко сну,— когда Никитин увидел все это, свое и чужое,

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—20, 22—24.

он с раздражением вытер испарину со лба и начал ходить по номеру, вслух ругая себя за неожиданную, глупейшую нелепость, за тот приступ неопределенного страха, пережитого им только что.

«Страх? Почему страх и даже ужас одиночества охватили меня там, в проклятом коридоре?» — необлегченно думал Никитин, бегуче глядя на мебель и предметы в комнате — на этот просторный бельевой шкаф, в котором, чередуясь, по неделям висели, оставив соединенные запахи, чьи-то костюмы, рубашки, галстуки, как сейчас висит и его костюм, на эту широкую двуспальную кровать с чистейшим, хрустящим бельем, где до него, Никитина, лежали, спали, храпели, целовались сотни или тысячи незнакомых ему людей, пахнущих лавандой, пóтом, кельнской водой, коньяком, сигаретами, губной помадой. И эту кнопку ажурной ночной лампочки нажимало множество чужих пальцев со следами вина, журнального цинка, противозачаточных таблеток, денег, которыми расплачивались за такси, за ужин в ресторане, за любовь женщин, приведенных в номер.

И Никитин почувствовал отвращение к этому сгущенному воздуху номеров и отелей, где невидимо оставались следы жизни разных людей, пришедших и ушедших, мнилось, в небытие, освободив другим маленькое и временное место на земле,— пропахшие чужими запахами бельевые шкафы, кровати и умывальники.

Никитин шагал по комнате, потирая грудь,— там остренькими лапками дрожал, бился в паутинке паучок бессонной тоски, испытанной им за границей не однажды...

Закуривая сигарету, он наконец подошел к телефону, нашел в записной книжке номер Самсонова (комнаты были рядом, но номерами на всякий случай они обменялись), позвонил, не скоро услышав заспанный голос, всполошившийся в трубке: «Это кто? Что? Вадим?»,— с извинениями за звонок ночью попросил его, если нетрудно, зайти на минуту к нему. «Да что случилось? Серьезное? Да сколько времени-то!» — загудел с сопением Самсонов, и звук его сонного голоса был почти родным, успокоительным, как замерцавший огонек в серой ночной беспредельности.

— Очень прошу, Платоша, зайди.

Минуты через две Самсонов без стука вошел в номер; просторная полосатая пижама топырилась на полнеющем животе, босые ноги в домашних шлепанцах, лицо помятое, на щеке красная полоса от подушки — все говорило о том, что он не мучился бессонницей, спал крепко в своем номере, и разбуженный, был раздосадован и удивлен неурочным звонком.

Самсонов грузным телом упал в кресло, хмыкнул, навел близорукие моргающие глаза на Никитина, спросил:

— Да ты знаешь, сколько времени-то? Третий час ночи. Бессонница? Димедрол есть? А ну-ка, попробуй.

Он извлек из кармана пижамы пакетик димедрола, вытряхнул на ладонь таблетку, налил в стакан минеральной воды.

— Прими. Даю гарантию. Проверено.

— Не то, не то, Платоша, совсем не то,— сказал Никитин и, потушив сигарету в пепельнице, зашагал к ванной, принес оттуда два пластмассовых стаканчика, подхватил с письменного стола бутылку коньяку, начатую в день приезда, плеснул в стаканчики, излишне весело предложил:— Давай лучше армянского. Вроде так — повнушительнее. И лечебнее.

— Это как понимать — посередь ночи? С какой стати разгулялся? За этим ты меня и разбудил? Эдак мы сопьемся с тобой за границей, дорогой друг и учитель! Не пошел ли ты в разгул на загадочных радостях?

— А, будь здоров, поехали, Платоша!

Никитин выпил, зажевал осколочком печенья, вытянутым из разорванной пачки, походил из угла в угол по номеру, постоял у окна. В колени дышало сухим теплом, пощелкивало электрическое отопление, осенняя ночь липла к стеклам сырой теменью, стучали набегом редкие капли, малиновый отблеск рекламы туманно разбрызгивался по мокрому тротуару на углу каменной улицы. Была глухая пора дождливой ноябрьской ночи в этом неприютном и огромном Гамбурге с неизвестной жизнью, точно опущенной сейчас в ненастную, просырелую мглу,— и то, что десять минут назад, бродя меж закрытых дверей длинного, серого, тусклого коридора, он ощутил себя одинокой песчинкой в вымершей навсегда пустыне, и то, что никак не исчезало ошеломляющее чувство узнавания, вины, неудовлетворения, необъяснимого стыда после разговора у госпожи Герберт, вызывало насильное желание оборвать, забыть, прекратить все и вернуть прежнее заграничное состояние не обремененного привычными обязанностями человека.

Но этот настрой не приходил, и глоток ожигающего коньяка и приход Самсонова не помогли ему, хотя чем-то домашним, обволакивающим повеяло от неуклюжей фигуры, заспанного его лица, от его комнатных шлепанцев на босу ногу.

«Как ему сказать, что у меня началось? — подумал Никитин, нахмуриваясь, и сел в кресло напротив Самсонова.— Как ему сказать?»

— С твоей бессонницей в алкаша превратишься,— проворчал Самсонов, нехотя пригубил пластмассовый стаканчик, смочил губы и крякнул.— Ну, что? Что загрустил, Вадик? — спросил он ворчливо и пошаркал шлепанцами, расставил толстые, обтянутые пижамой колени.— Об чем задумался? Об чем мысли? Ничего не стряслось? По какой причине тебя задержала у себя эта богатая госпожа? Если, конечно, не секрет. Делал автографы, или вели шумные беседы об искусстве? А ты знаешь, она еще, так сказать, ничего...

— Что «ничего»? — Никитин хрустнул пальцами, глядя в потолок.

— Ну, фигурка, глаза, седые волосы или покрашенные, бог его знает, сейчас это модно, в общем, что-то есть... Довольно-таки привлекательная еще немочка, хоть и не первой юности.

Самсонов снова смочил коньяком губы, наморщил брови, потянулся к разорванной пачке печенья на тумбочке и договорил не без иронии:

— Смотри, Вадимушка, держи ухи востро — околдует, очарует русскую знаменитость, и — опять же что? — пострадает отечественная словесность. Изнасилует, согласно западной сексуальной революции. Не опасаешься?

Никитин помолчал, медлительно разминая сигарету, и вдруг с какой-то подмывающей сердитой искренностью спросил:

— Ты знаешь, кто она?

— То есть как это? В каком смысле? Женщина, имеющая частную собственность. Довольно-таки богатая тетя из Гамбурга, видимо, меценатка, окруженная людьми, так сказать, искусства. С демократическим уклоном. Вот и весь пасьянс. За исключением того, чего мы не знаем.

«Стоит ли сейчас говорить все? Он может понять не так, как надо»,— подумал Никитин, как бы сразу останавливая себя перед препятствием, за которым было скрыто его личное, давнее, очень молодое и почти от этого полуявное, словно ускользающий в полудреме теплый солнечный свет на обоях милой далекой комнаты. Но ощущение давнего, юного, такого нереального, что, мнилось, проступило оно сквозь туманные пласты целой прожитой жизни, не его, Никитина, а совсем другого человека, приблизилось к нему сегодня из бывшего когда-то синевато-ясного майского утра, утратив грубую тяжесть прошлых оттенков, едва не затемнивших в конце войны его судьбу наивного в своей мальчишеской чистоте лейтенанта, командира взвода,— нет, позднее той раскрытой чистоты, той неосторожной решительности он уже не испытывал с безоглядной полнотой юности никогда.

— И все-таки ты знаешь, кто такая госпожа Герберт? — переспросил Никитин, ловя взглядом на полном лице Самсонова удивление.— Да, милый Платоша, такое бывает раз в жизни, вернее, не в жизни, а в забытых снах человечества.— Он опять похрустел пальцами, затем, с усмешкой разглядывая темную жидкость, поднял стаканчик, задумчиво договорил:— Давай за золотые сны юности. Мне что-то грустно сегодня, Платоша. Ужасно грустно. Даже тоска какая-то.

— Много пьешь,— заметил Самсонов и, насупленный, прикоснулся краем стаканчика к стаканчику Никитина.— Хоть, знаешь ли, и за сны юности... или там человечества. Но что с тобой, Вадик? Можно сказать, поднял с постели без порток средь ночи, хлещешь коньяк, как на свадьбе, бормочешь невнятный бред. А я — слушай и умней?

— Сон и бред. Именно сон и бред,— ответил Никитин и жадно выпил коньяк.— А скажу я тебе, Платоша, вот что. Не удивляйся, ибо сам не до конца верю, хотя это так. Госпожа Герберт — это некая Эмма, когда-то восемнадцатилетняя синеглазая немочка, с которой я совершенно случайно встретился в конце войны в Кёнигсдорфе. Батарея размещалась в ее доме. А Кёнигсдорф — это дачный, тихонький городок, куда нашу потрепанную дивизию отвели на отдых из Берлина. И перед Прагой. Вот кто такая госпожа Герберт... Не удивлен, Платоша?

Никитин выговорил это с размеренным нарочитым спокойствием, но кустистые брови Самсонова недоверчиво поползли на лоб, он поставил стаканчик на тумбочку, после чего звучно фыркнул губами и носом:

— Ересь научно-фантастическая! Действительно! Ну и что? То есть какая девочка? Какая Эмма? Нич-чего не понимаю! У тебя что — какие-то общения с ней были? Или что?

— Видимо,— сказал Никитин.— Мне было тогда... почти двадцать один. Двадцать шесть лет назад. Это было в мае сорок пятого года.

— Ой ли! Военный фольклор! — вскрикнул Самсонов, взметнув в воздух обе руки и опуская их на колени.— Ты бредишь наяву, Вадимушка, сочиняешь, выдумываешь несусветное! Как можно помнить какую-то девочку, хоть и синеглазую, двадцатишестилетней давности? И что уж такое у тебя было? Да и что могло быть, когда к немцам отношение было ясное!

— Было то, что могло быть, Платоша,— ответил Никитин.— Мы стояли в Кёнигсдорфе дней пять. Второго мая нас вывели из Берлина.

— И та девочка — госпожа Герберт? Господь бог. Ай, Вадимушка, Вадимушка, сейчас ты примешь димедрольчик, запьешь минеральной, укроешься потеплее одеялом, завтра проснешься со свежей головкой, готовый для дальнейших дискуссий.— Самсонов, широко раскрывая рот, завывающе зевнул:— Ава-ва-а... Не отдаешь себе отчет, как все гениально? Прошло четверть века, но ты вспомнил ее лучезарное, прелестное, невинное личико... и впал в меланхолию. Сюжетик восемнадцатого века, Вадим. А я ведь реалист как-никак.

Самсонов закончил зевоту сипловатым смешком, руки его соединились на животе, большие пальцы стали рассеянно постукивать, отталкиваться друг от друга, и нечто снисходительно-сонное появилось на его круглом, аляповатом, без очков лице, в подслеповатом прищуре повлажневших от сладкого зевания глазах.

— Перестань, Платоша, разыгрывать и валять дурачка. Я говорю совершенно серьезно. Ты способен воспринимать что-нибудь, или мне замолчать?

— Мои уши на гвозде внимания, Вадимушка! Только отдохнуть бы тебе...

Никитин курил, смотрел на непроспанного Самсонова, взявшего легковесно-недоверчивый тон, видимо, показывая этим насмешливую досаду к бесполезному разговору среди ночи, после телефонного звонка, прервавшего сон по причине чужой бессонницы,— и смешок, и зевание его, и ироническая непробиваемость начинали тоскливо раздражать Никитина, как и то нелепое бессилие в омертвело пустынном коридоре отеля с кладбищенской вереницей ботинок у дверей.

— Узнал ее не я,— раздельно сказал он, не скрывая возникшего неудовлетворения.— Узнала она. Вероятно, случайно. Разумеется, случайно. По фотографиям в книгах, которые переведены здесь. Собственно, поэтому она и пригласила меня. Да, госпожа Герберт, с которой мы оба с тобой познакомились,— та самая Эмма из Кёнигсдорфа, и это я знаю точно. Теперь можешь валять дурака и острить, Платоша, сколько тебе хочется.

— Ого-го-го, Ва-адик! Ну-ну, знаешь ли!..

Лицо Самсонова сначала распустилось в непритворном изумлении, но сейчас же собралось, теряя заспанную опухлость, близорукие глаза его потерянно сморгнули и до смешного беззащитными и выпуклыми стали.

— Ну-ну, Вадим! Вот оно, значит, ка-ак,— повторил он растянуто, вдохом вздымая грудь под пижамой.— Это ты меня окончательно огорошил, подожди, подожди, что-то я не совсем... Значит, она тебя через двадцать шесть лет узнала и пригласила? И что? Как она тебе это объяснила? Зачем пригласила? Ведь двадцать шесть лет — это уже все, все забыто, туман сплошной. Зачем она оставила тебя сегодня? Ты это можешь мне сказать?

— Спрашивай попроще. Думаю — одно любопытство ко мне.

— Любопытство... У нее? Неужели любопытство? Уверен? А как у тебя, Вадим? Только откровенно, если возможно... Мне что-то странновато было, знаешь ли, когда она начала тебя оставлять у себя. Скажи, у нее что, что-то особое есть к тебе?

— Думаю, нет. Но, представь, сразу вспомнил все. Будто вернулся туда, в сорок пятый. Даже сиренью запахло. В городке цвела сирень и яблоневые сады. Прекрасное было время, несмотря ни на что.

— Подожди, подожди... Как это — «прекрасное время»? Ты сказал, что знал ее несколько дней. У тебя что — серьезно было, что ли?

— Это трудно определить, Платоша. По крайней мере после войны я ее вспоминал не раз. Неужели ты можешь точно объяснить, когда это начинается и когда кончается?

— Ох, Вадим!..

— Что «Вадим»? Что ты хотел сказать?

— Я хочу сказать, Вадюшка, не пей больше коньяк. И... подожди. Не люблю телефоны за границей.

И Самсонов засопел, уперся в подлокотники, вытащил свое грузноватое тело из глубины кресла, отчего расползлись на пухлой волосатой груди отвороты пижамы, деловито потянул подушку с кровати Никитина, накрыл ею телефон на столе, предупредительно сказал:

— Не сомневаюсь: все номера, где останавливаются русские, достаточно озвучены. А мы слишком громко...

— Не уверен,— сказал Никитин.— А впрочем, можно и потише.

— Сейчас, подожди, надо было соображать раньше... Вот жили-были два идиота! Работает твоя бандура? Включал?

Самсонов зашмыгал шлепанцами по ковру в угол комнаты, где стоял на тумбочке приемник, наугад пощупал и принялся нажимать кнопки, они защелкали костяным эхом. Потом возникли шорохи, сухой треск разрядов, обычные шумы радиопространства, вырвалась из недр приемника синкопическая музыка, где-то в оглушительной глубине тоненько проплетенная женским речитативным придыханием, неприятным сейчас в ночной тиши номера, и Самсонов после некоторых поисков покрутил рукоятку на шкале приемника, убавил звук, удовлетворенно заключил:

— Теперь договорим. Без свидетелей. Так-то лучше.

— Все знаешь, Платон.— Никитин усмехнулся.— Просто непревзойденный конспиратор.

— В двадцатом веке подобное знает и дурак,— отрезал мрачно Самсонов и зашлепал тапочками, задвигался по комнате, сверкая голыми, сливочно-белыми пятками.— Вот что я должен сказать тебе, Вадим. Все это не очень мне понятно. И не очень нравится мне,— заговорил он в сосредоточенном раздумье.— Вся эта странная лирика, которая уж совсем ни в дуду. Узнала, оказывается, тебя по фотографии, пригласила на дискуссии — что, почему, зачем? Разговоры, милые улыбки, вежливость, потихоньку отъединяет тебя от меня, сует нам деньги. Тебе с реверансом отваливает солидный гонорар, а этот шпендрик от журналистики, господин Дицман, еще вдобавок потрясает чековой книжкой... Не странно ли, Вадим? Давай тогда разберемся,— что и кто мы им? Кто ты ей — фрау Герберт? Господи веси — у всех у нас были молниеносные романчики в войну. Ну и что, прости меня грешного? Да я даже лиц не помню, не то что... А она, видишь ли, помнит. Пять дней виделись — а она, влюбленная девочка, помнит своего завоевателя. Не кажется ли тебе, что белые ниточки торчат?

— Помнить что-либо или не помнить — это, Платоша, твое личное свойство,— перебил Никитин.— Это не аргумент. Какие же ты ниточки имеешь в виду? Разумеется, происки с ее стороны? Или как еще? Неужели ты на полном серьезе?

Самсонов тяжеловато повалился в кресло, низко осевшее под ним, устроился поудобнее на мякоти подушек, и глаза его увлажнились возбуждением. Он выговорил:

— Какой ты, Вадим, смелый, вспомнил себя в двадцать лет возле орудия, фронт вспомнил! Или первый раз за рубеж попал? Нет, меня начинает поражать твоя наивная доверчивость ко всей этой подозрительной возне вокруг тебя, если уж хочешь знать мое мнение! Нет, недаром они крутятся вокруг тебя, и ты знаешь, почему? Меня-то, грешного, они совсем не знают. Я-то для них персона «инкогнито», но ты, так сказать, либеральный, известный и тэдэ и тэпэ, и др-р и пр-р, в их глазах кое-что! Я вижу, как они хватают каждое твое слово, в рот тебе смотрят: а нельзя ли поймать на чем?.. Ты не замечаешь? Может быть, я ошибаюсь? Тогда как все это объяснить? Лирическим экстазом твоей госпожи? Во имя каких причин она пытается нас разъединить? Хотел бы я это знать!

Лоб его свекольно побагровел, одно колено стало нервически подрагивать, отчего затряслась широкая штанина пижамы, и Никитин подумал, что ранимого Самсонова чем-то особо задевало вчерашнее вежливое и обидное отношение госпожи Герберт к нему, случайному, что ли, при своем коллеге, человеку, не вызывающему к себе достаточного интереса,— это, по крайней мере, могло показаться после того, как она разъединила их неожиданно для обоих. Но все же в том, вчерашнем, не могло быть серьезной причины избыточной нервозности, и сейчас ядовитая, упрекающая колкость, прорвавшаяся в тоне Самсонова, начала почему-то взвинчивать Никитина: то, что он прямо и искренне хотел сказать ему, было воспринято не так, как думал и ждал.

— Ты начинаешь злиться на меня, Платон,— сказал Никитин.— Но серьезного повода, кажется, не было. Правда? А то я тоже вскипячусь. И — никакого толку. Нервы у нас у обоих...

Он слегка притронулся своим стаканчиком к забытому Самсоновым стаканчику на тумбочке, миролюбиво пригласил этим жестом допить коньяк, договорил:

— Извини, Платон, что разбудил тебя. Может, отложим этот разговор до утра? Откровенно говоря, было мне как-то не очень... Вроде отошло. Вот теперь усну. Спасибо тебе...

У Самсонова рассерженно подтянулись мясистые щеки, и он крикнул шепотом:

— Послушай, Вадим, за кого ты меня принимаешь? За громоотвод? За Санчо Панса? Да я просто обязан злиться на тебя! Скажи, ради чего я поехал? Ради чего оторвался от работы — с какой великой радости? Более глупого положения не придумаешь! Переводчик при Никитине? Оруженосец? Комиссар? Немцы-то в этом уверены! Кто я при тебе? — Он колыхнулся в кресле, искоса поглядел на приемник, придушенно распространяющий в комнате дробь синкопов.— А тут еще преподносишь такие новости — очертенеешь! Скажу уж тебе совсем откровенно на родном, отечественном русском... Да, на языке родных осин скажу! Немочка, знаешь ли, в сорок пятом, эта милая госпожа Герберт, сюсюканье, и то и се — камуфляж гороховый! Не верю я их улыбкам, ни одному слову их не верю! Что-то они тебя слишком обволакивают, какие-то золотые клеточки раскидывают! Не замечаешь? Не чувствуешь?

И опять, когда произнес он это и по привычке своей плотно скрестил руки на груди, Никитин натолкнулся на необычно ядовитый, влажный блеск в глазах Самсонова, как будто теперь недоставало ему воли сбавить излишний пыл неудовольствия, и как-то стало холодновато, горько, пусто Никитину от этой бессмысленной атаки злости против себя...

Раз между ними было нечто похожее, несколько лет назад. Тогда они сидели в ресторане «Прага», оба изрядно выпив уже, и говорили разгоряченно о военном поколении, которое, несмотря ни на что, наконец пробило брешь, постепенно заняло высотки в литературе — из никому не известных лейтенантов в старшие офицеры,— и Самсонов, только утром приехавший из Ялты, где, как всегда летом, трудно и упорно, выжимая по полстраницы в день, работал над повестью, и все-таки загоревший, еще более потолстевший, вспотев и побагровев после четвертой рюмки коньяка, азартно кричал, что Никитин ткнулся темечком в Олимп, шагнул вверх, вот-вот схватит чин полковника, а он, Самсонов, пока ходит в строевых капитанах, но пройдет месячишков шесть, а может быть, и годик — и все полковники и генералы почувствуют, что остались они детьми...

«Нет, чтобы настоящее делать, Вадик,— говорил он, напирая животом на стол, качая его дыханием,— надо свинец в одном месте иметь — по строчке, по абзацику, по четверти странички в день. Нет, надобно добротный дом строить, чтобы щелки не было, чтобы двери не скрипели, чтоб иголку не просунуть в пазик какой-нибудь. Я скажу о войне всю правду и всю правду о нашем поколении. Вот закончу повесть — и в коротких штанишках вы окажетесь, в коротких штанишках! Жалко мне вас станет! Эх, букашечки-таракашечки, болтаться будете, хваленые прозаики, где-то там под ногами! Тю-тю, где вы там? Вот за это пью индивидуально, чтоб ты запомнил! — И, выпив и боднув воздух взмокшим лбом, взглянул на Никитина через стекла очков, отодвинул в сторону рюмки, тарелки с закусками, упер в край стола локоть, пошевелил пальцами, подобными сосискам, точно одержимый шутливой пьяной яростью.— А ну, Вадим, попробуем, кто кого, м-м? Может, положишь, а? Попробуй! По Джеку Лондону!»

«Ты, по-моему, ошалел, Платоша, после солнечной Ялты,— сказал Никитин и оглянулся на ближние столики.— Представь, что ты меня положил».

«О Вадик, давай по-мужски, я милостыню не беру,— возразил Самсонов и захватил, потянул руку Никитина, насильно установил ее в позицию.— Ну, начали, классик!»

«Ладно, не кричи на всю Ивановскую. Клади, геркулес!»

Не поддаваясь, Никитин изо всех сил сопротивлялся ему долго, но кисть Самсонова, огромная, неудобная для борьбы, потная, стискивала, давила с болью, с железным напором поворачивающегося ворота, ниже и ниже клонила его руку к столу, и он сдался в конце концов, очень пораженный в момент борьбы бешеной и неуклонной настойчивостью, почти враждебным взглядом Самсонова, утратившим вмиг выражение нетрезвой шутки.

«Вот таким образом прояснилось, можем расплачиваться, Вадим,— сказал Самсонов, отпыхиваясь.— Плачу я».

Однако Никитин тоже вынул бумажник и нашел нужным ответить легковесной чепухой, сказал что-то насчет тайных миллионов прозаика Самсонова, делающего широкие жесты, но тот запротестовал обидчиво и бурно, расплатиться Никитину не дал, выложил деньги на стол, добавил безумно щедрые чаевые («И наши гонорары не в дровах найдены, Вадимушка») и затем на стоянке такси простился с Никитиным сухо, наспех, оставив чувство неприятной озадаченности.

Позднее оба не вспоминали о разговоре, о «джеклондонской» борьбе в «Праге», ощущение того самолюбивого вызова заглушилось, стерлось, прошло, и было поэтому сейчас Никитину не по себе видеть здесь, не за столом московского ресторана, а в немецком отеле, ночью это вовсе не к случаю обвинительно-едкое, даже злое выражение на лице Самсонова. «К чему он это, боже мой? Он осуждает и предупреждает меня? Но почему так раздраженно, как будто унизить хочет за что-то?»

— Спасибо, и прости, пожалуйста, перебил тебе сон,— сказал Никитин, и вышла извинительная фраза его несколько натянутой, полуискренней.— Завтра договорим. Как жить дальше. Кажется, пора принять под коньяк твою спасительную таблетку — и гуд бай. Если проснешься раньше — буди, стучи, звони. Спокойной ночи, Платоша.

— Надеюсь, ты понимаешь все? — спросил Самсонов тоном подчеркнутой досады, уставясь на приемник выпуклыми, набухшими глазами.— Я говорил совершенно серьезно.

— Понял абсолютно. До деталей. Я тебе благодарен, Платон. Благодарю за умный совет.

— В таком случае немедленно ложись и вы-

спись как следует. Завтра обсудим все до конца. Я встаю рано — разбужу.

— Спокойной ночи, Платон. Допьем коньяк под таблетку?

— Ой ли! Не фальшивь, Вадим. Мне сейчас не очень нравятся, прости меня, твои неискренние потуги на парадоксы. Будь здоров, по европейскому времени я подыму тебя в семь! — выговорил Самсонов уже возле порога и, шумно, неуспокоенно сопнув носом, вышел из номера.

Стукнула защелка замка. И Никитин, оставшись один, запер дверь, посидел в кресле, заранее мучаясь бессилием, затяжным одиночеством бессонницы, после взял таблетку димедрола, оставленную Самсоновым на тумбочке, запил ее коньяком и стал раздеваться, думая томительно:

«Что ж, разговора, в сущности, не получилось,— оба мы остались недовольны собой и друг другом. Я хотел иного разговора. Но, кажется, он и любит, и ревнует меня, и не может через что-то переступить. Как глупо все, как это идиотски неприятно! Выспаться бы, забыть этот разговор к черту, встать свежим, спокойным, утром увидеть госпожу Герберт — и все станет яснее. Эмма, Эмма? Нет, никак не рассчитывал. Никогда не предполагал! Воистину неисповедимы пути, и мир тесен?.. Неужели госпожа Герберт — та самая Эмма? Что же это со мной?..»

Он разделся, закурил сигарету и перед тем, как лечь, в пижаме, босой, подошел по теплому синтетическому ковру к приемнику, из которого звучала в полутьме, вытекала назойливой струйкой музыка, поискал кнопку выключателя — и тут громкий непрерывный стук в дверь заставил его обернуться, крикнуть:

— Кто там? Ты, Платон? Что случилось?

— Я, открой!

Он, немного удивленный, отпер дверь — неуклюже зацепившись плечом за косяк, взъерошенной глыбой ввалился Самсонов и, хлопая тапочками по голым пяткам, заходил суетливо по номеру, проявляя несоразмерную для своего крупного тела подвижность: он, видимо, возвращался бегом и еще задыхался, говоря настигающим какую-то мысль голосом:

— Вот что я вспомнил, Вадим, вот что: тот немец, этот журналист, главный редактор издательства, как его... Дицман, Дицман... Помнишь, он задал тебе вопрос, будто встречал, видел тебя в Берлине в сорок пятом... Ты вопрос этот помнишь? Когда зашла речь о войне... Ты помнишь все ясно?

— Да, помню.

— И тогда он еще спросил меня, где я воевал. И повторил что-то такое непонятное, несуразное насчет тебя. Ты хорошо запомнил тот странный разговор? С какими-то все было намеками, с какими-то переглядками с госпожой Герберт? Потом он ушел... Этот подозрительный сексуальный философ, который еще чековой книжечкой перед тобой потрясал! Змеиная улыбочка, пальцы, как червяки, нюхает сигареты... Что же за намеки он делал, Вадим? Зачем? Какую цель преследовал? Ты помнишь, как он подвел разговор к тому, что ты не способен убить немца? Это был какой-то льстивый комплимент!..

— Мне? Не сказал бы. Не помню.

— Что «не сказал бы»? Что «не помнишь»? Никитин присел на кровать, полистал «Штерн», бросил его на подушку.

— Дело в том, Платон, что господин Дицман в войну не встречался со мной, этого я не помню. Но в сорок пятом я встречался с другим немцем — его звали Курт. Он был родным братом госпожи Герберт. Перепуганный всем солдатик, мальчишка сопливый. Рассказывать все — длинно. Конечно, не исключено, что Дицман может что-то знать от госпожи Герберт. Допустимо. В сорок пятом судьба Курта в какой-то степени зависела от одного лейтенанта, моего друга, и меня. Курта взяли в плен уже после Берлина. А вообще, Платоша, не придаешь ли ты всему преувеличенное значение?

Самсонов возбужденно ходил из конца в конец номера и, похоже, плохо видя без очков, натыкался коленями на кресла, на подставку для чемоданов, на низенький журнальный столик; потом он стал возле кровати, и его овлажненные, чудилось, замученные глаза будто впрыгнули в зрачки Никитину.

— Много я видел наивняков, Вадим, но таких, как ты,— нет! Пойми же ты наконец, легкомысленный человек, что мы попадаем с тобой, что называется, в положение двух слепых, играющих в прятки в крапиве! Пойми же наконец, что ты не в России, и здесь может произойти все, что им угодно, как в том кабачке, и пожаловаться будет некому! Здесь, в Гамбурге, консульства даже нет! Боюсь, когда мы своей шкурой полностью поймем, чего хотят этот Дицман вместе с твоей милой госпожой Герберт, поздно будет!..

— Да ты что, дорогой Платоша? — не выдержал Никитин.— Куда тебя в дебри черт понес? Ей-богу, надоели сплошные восклицательные знаки. Твои подозрения имеют какие-то доказательства? О чем ты? Или просто шлея под хвост попала?

«Почему у него стали такие замученные глаза? — подумал он, замолчав.— Глаза древнерусской иконы, скорбящей по поводу нашей общей гибели... Вот сейчас что-то в нем изменилось. Неужели он убежден в том, что говорит, или за его словами скрывается нечто другое — ревность ко мне, как тогда, в «Праге»? Воистину неисповедимы пути... Он создает мнение о людях по первому взгляду, и, в сущности, ему и легче и труднее, чем мне. Ему труднее потому, что он логичен и способен беспощадно вынести приговор. В том числе и мне. Что ж, опять, опять парадоксы?»

А Самсонов двумя руками тер щекастое лицо и говорил твердым голосом найденной убежденности:

— Шлея? Если шлеей ты называешь разумный вывод, пусть будет так, Вадим! А вывод вот какой: как можно скорее уехать отсюда. Это — единственное разумное решение. Как можно скорее! Если угодно,— завтра утром или днем. Заказать билеты — и в Москву. Причину можно придумать любую: стенокардия у тебя или у меня, случилось обострение, перемена климата, что-нибудь в этом роде. Уезжать, немедленно уезжать, пока не поздно. Эт-то уж абсолютно ясно. Иначе увязнем четырьмя лапками, как мухи в меде!

— Что же, Платон,— сказал с усмешкой Никитин.— Или ты не доверяешь мне, или хочешь быть святее папы римского? Что тебе в голову ударило? О чем хлопочешь? Что суетишься? Черт знает что! При твоей комплекции ты должен быть спокоен, уютен, много есть, много пить, улыбаться, приятно острить, включать свое обаяние. А ты напоминаешь быка!

— Послушай еще раз,— проговорил с непреклонной настойчивостью Самсонов, пропуская слова Никитина мимо ушей, и, выставив пальцы, начал загибать их.— Первое, нам надо отсюда немедля уехать, а для этого — предварительно объяснить причину отъезда. Но это пустяки, детали. Второе, я беспокоюсь не о себе, а о тебе. Третье, ты воображаешь, что находишься не в Гамбурге, а в Калуге, что стоит позвонить в райком или в милицию — и все уладится! Так? Или...

— Мы сейчас поссоримся, Платон! Все твои расчудесные домыслы мало имеют оснований, ни в какие двери не лезут! Завтра мы никуда не уедем. Это бессмысленно. Не бросайся в панику раньше времени. Да что, собственно, ты вообразил? Меня опутают здесь господа Дицманы и силой оставят в Западной Германии? Зачем? Смысл какой? Кто я — физик, знающий секреты водородной бомбы? Глава конструкторского бюро? Кому я тут нужен?

— Значит, уеду я один,— выговорил через одышку Самсонов и самолюбиво сузил веки, улыбнулся.— Да, один,— повторил он зло.— Ты этого хочешь?

Никитин лег на постель поверх одеяла, заложив руки под затылок, сказал:

— Ну что ж, уезжай. Ты меня действительно долго предупреждал.— Он сказал это, испытывая отвращение к самому себе оттого, что не сумел притушить разговор, перейти на всегда спасительную иронию, и прибавил:— Во имя чего мы ссоримся, Платон? Стоило ли для этого ехать за границу?

— Перестань! Если бы я тебя, идеалиста несчастного, не любил, мне начхать было бы!.. Нет, без тебя я никуда не уеду, предавать друзей я еще не научился! Еще нет! — выкрикнул Самсонов повышенным голосом.— Но запомни, что я тебя, как подозрительный идиот, предупреждал! И высказал все! Если ты не очнешься — пропадешь! Встряхнись, Вадим, встань ножками на землю! Останови головокружение, а то завтра поздно будет, запомни это!

— Платон, я хочу спать. Таблетку я уже принял.

— А я тебе, субъективному идеалисту, повторяю, повторяю: останови головокружение, друг мой!..

— Платон, я хочу спать. Димедрол я уже принял.

Он не видел, как вышел Самсонов, но слышал, как лязгнул замок двери, потом как приглушенно хлопнула дверь в коридоре отеля, где начиналась ночная пустыня, слабо освещенная тусклыми бра, с прямой полосой беловатой дорожки, уходящей вдоль серых стен в сумрачную призрачность, с этими словно навечно отъединенными от людей, безжизненными вереницами туфель, попарно выставленных за каждым порогом,— ни движения не было там, ни голоса во всем отеле.

А здесь, в душном тепле номера, пахнущего сладковатой синтетикой, потрескивало электрическое отопление, изредка набегал, позванивал дождь по стеклам, и чуть внятный хрипловатый голос певца, перехваченный искусственной страстью, речитативом тек из невыключенного приемника, убеждал некую маленькую Мадлен остановить машину, сесть к нему на колени и расстегнуть пуговички платья,— здесь была кем-то продленная жизнь, непривычная, чужая, неизвестная, и, закрывая глаза, Никитин подумал:

«Почему все же мне так не по себе? Если бы встать, позвонить Эмме, пойти вместе шататься по ночному Гамбургу, под дождем, до утра говорить с ней. Но о чем? Что это решит? Или уехать, завтра уехать? Самсонов в панике, он испуган всем этим. Он слишком много узнал — и не сумел переварить. Чем же это должно кончиться?..»

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Вам нравится в Западной Германии, господин Никитин? О нет, я не так поставил вопрос. Вы не разочаровались в нас, западных немцах?

— Вы хотите услышать прямой и категорический ответ? Если бы я ответил «да», то обманул бы себя, если бы ответил «нет», то обидел бы вас поспешностью, господин Дицман. Без предвзятостей подписываюсь под словами одного умного немца, которые звучат приблизительно так: «Горечь и недоверие страны к стране отравляют израненное тело Европы». Неплохо сказано, правда?

— Цитата? Кто автор? Томас Манн? Ремарк?

— Стефан Цвейг, хороший немецкий писатель.

— К сожалению, Цвейг так старомоден и так давно умер, что уже мало кто помнит о нем.

— Напрасно. Он умер в сорок втором году, а сороковые годы — ближайшая история Германии.

— Западная Германия далеко ушла от сороковых годов. У нас говорят: мы проиграли войну политическую, а выиграли войну экономическую. Вам интересно знать, как случилась эта парадоксальная победа? После поражения рейха союзники стали демонтировать немецкие заводы и по репарациям вывозить из промышленных центров оборудование, но это были старые, господин Никитин, довоенные станки. В период «железного занавеса» между Западом и Востоком Америка начала вкладывать миллионы долларов в разрушенную германскую промышленность, очень широко открыла западным немцам кредиты, ввезла современное оборудование. И таким образом в течение короткого времени обновила основной капитал, выражаясь по Марксу. Ведь вы — марксист... И наступил бум, что значит — обилие всех товаров, стабильная марка, расцвет экономики... Страшные сороковые годы давно забыты обывателем, он живет в новом измерении, он сыт и не помнит про карточки и эрзацы. Вы видели магазины Гамбурга?

— Да, прекрасные магазины, судя по витринам.

— Господин Никитин, я буду откровенен, я раскрою перед вами карты во имя истины. Западная Германия после войны уже как свинья зажралась, и мозги ее все больше заплывают жиром. Обыватели живут в одурманивающем мире товаров и превращаются в бездушные машины потребления. Разрешите взять у вас одну сигарету? Я бросил курить, но до сих пор мне приятен запах табака.

— Пожалуйста.

— Благодарю вас. Я с удовольствием понюхаю сигарету. Итак, дело в том, господин Никитин, что современные западные немцы слишком много думают о новых моделях «мерседеса», о холодильниках и уютных загородных домиках, и у среднего немца исчезает или уже нет ни высокой духовной жизни, ни духовной веры... Прагматизм подчиняет все. Истоки и модель — Америка. Боюсь, господин Никитин, что через несколько лет Советский Союз тоже зажрется, и у вас тоже исчезнет духовная жизнь: машина, квартира, загородный коттедж, холодильник станут богами, как на Западе. И вы постепенно забудете сороковые годы, войну, страдания...

— Вряд ли. Хотя знаю, что нас тоже ждет испытание миром вещей.

— И испытание верой.

— Что вы называете верой, господин Дицман?

— Ваша вера — коммунистический оптимизм. Вы практики, вы материалисты и идеалисты одновременно, вы еще хотите говорить о человеке, о неких идеалах и смысле жизни, хотя исповедуете древние догмы. А на послевоенном Западе этой веры в идеалы нет, все изверились в евангелическом добре и в человеке, старые боги-добродетели умерли, их нет, и нет, к примеру, уже понятия прежней семьи, любви, брака. На чем, по-вашему, держится современный мир?

— На ожидании и надежде, как я представляю.

— О, понимаю! Русские мечтают держаться на двух китах — всеобщего равенства и ожидания стереотипных равных благ для каждого, в то время как западный мир продолжает держаться на трех китах — спорте, сексе и телевизоре. И есть еще один мерзкий китенок — политика. Хочу заметить, что этот китенок плавает и на Востоке.

— Только два уточнения, господин Дицман. Во-первых, без этого китенка невозможно было существовать ни одному исторически известному нам обществу; во-вторых, не всеобщее костюмное равенство безымянных, одинаковых песчинок, а — я говорю прописные истины — равенство в распределении материальных благ. Думаю, что посредственность, способность и талант всегда будут отличаться друг от друга, если говорить о науке и искусстве.

— Вы, разумеется, против одинаковых песчинок?.. Но большинство человечества — анонимные муравьи, господин Никитин.

— Это — унылый тезис, господин Дицман, по-моему. Я за то, чтобы каждый прошел через обряд крещения и имел свое, собственное имя. В конце концов этот обряд можно назвать самосознанием.

— Вы романтик, что не заметно по вашим книгам. Не согласитесь ли вы, что большинство людей не знают, чего они хотят. Бифштексы? Машины? Телевизоры? В этом истина? В этом конечная цель? Нет, люди сами для себя — инкогнито. Как сделать, чтобы они поверили в самих себя? Революция? Вы, несомненно, стоите на этой марксистской точке зрения... Революция? Классовая борьба? В чем ее

последняя суть? Опять цель — холодильники для всех.

— Революция — это отрицание безнравственности и утверждение нравственности, то есть вера в человека и борьба, и, конечно, совесть, как руководство к действию. А вы сами сказали, что веры и идеалов на Западе нет. Я думаю, что вера — это эмоциональное отношение к надежде и истине. Если ее нет, выхода не вижу...

— Пока выхода нет, господин Никитин... за исключением одного паллиатива — соединить христианство с марксизмом. Я неверующий и в очистительных мессий не верю. Я верю только в этот странный симбиоз — выход для большинства анонимных обывателей. Пусть хоть во что-то верят.

— Вы в этом убеждены? Как же это сделать? Соединить несоединимое? Ведь Иисус Христос своей проповедью бездействия, как давно известно, разрушает человеческую энергию...

— Энергию? Энергию? Вы не договорили фразу: поэтому его и распяли... Вы хотели это сказать, господин Никитин?

— Нет, думаю, его распяли потому, что надеялись — придет второй мессия, который удовлетворит исключительно всех. Но такого не бывает.

— У вас в стране не запрещено говорить таким образом?

— Как видите, я говорю. Но... простите, непонятна причина вашего недоумения. Почему, собственно, в нашей стране это должно быть запрещено?

— Я удивляюсь потому, что у вас много лет был культ личности. Иисус Христос — тоже культ личности. Как и культ Сталина. Он тоже у вас был как бы сыном божьим. Вы молились на него.

— Послушайте, господин Дицман, позвольте мне, наконец, задать вам очень откровенный и, может быть, грубоватый вопрос. Я долго слушал вас, и разрешите все-таки вас перебить.

— Конечно, господин Самсонов! Вы действительно долго молчали, и я с удовольствием готов ответить на любой ваш вопрос.

— Не уверен, что мой вопрос доставит вам удовольствие, господин Дицман. И все-таки, какое вам, откровенно говоря, дело до нашего культа личности? Именно вам? И западным немцам? Что вы можете знать о культе?

— Я не хочу вмешиваться в ваши дела, но вы, господин Самсонов, находитесь в западной стране, где достаточно грязи и пороков, но где вы можете делать и говорить все, что хотите, до определенных пределов, разумеется. Вы не отрицаете наши относительные свободы? Я подчеркиваю: относительные...

— Хм! Парадокс! Тогда почему у вас травили коммунистов и запрещали компартию? Где свобода?

— Это одна из глупостей, которая возмущает и меня. Ни коммунизм, ни нацизм не угрожают Западной Германии. Для немцев достаточно одного коммунизма — в Восточной Германии. Это визитная карточка соседей, и она не всем нравится.

— Чем же она вам не нравится? Тем, что там другая система, которая вам не нравится?

— Тем, что мы живем в некотором смысле лучше, чем восточные немцы.

— А не возможно ли, что они рано или поздно будут жить во всех смыслах лучше вас? Что вы скажете в таком случае?

— Сейчас люди живут одним днем, господин Самсонов. Однако я хочу спросить господина Никитина. Вы тоже отрицаете, что находитесь в демократической стране?

— Мне трудно ответить категорически, потому что у вас я несколько дней. Что же касается прежнего вопроса, то некоторое количество лет назад известный вам маньяк из Мюнхена называл себя вторым Иисусом Христом, мессией, спасителем человечества. От славянской заразы и коммунизма. И пятьдесят шесть миллионов погибло в Европе и Азии. И славян и неславян.

— Не так быстро, господин Никитин, мне, простите, мешает ваш акцент, я понял, но не поймал тонкости вашей фразы. Намекаете на нацизм? На комплекс вины немцев перед человечеством?

— Никакой тонкости здесь нет. И никаких намеков. Я сказал, что верю в спасение человечества и добро можно понимать по-разному: брать злу на вооружение добро и добру — на вооружение зло. Это прекрасно знали еще в Древнем Риме.

— О да, о да! Такая тонкая рвущаяся грань лежит между добром и злом, в своем роде сиамские близнецы, соединяющиеся кровеносные сосуды, не так ли? И это наиболее интересная сторона внутреннего мира современного человека, зыбкость границы,— это ваш Достоевский, самое главное в его романах, которые пользуются на Западе большой популярностью. Вы об этом знаете?

— Чушь!

— Что, простите?

— Виноват, я сказал по-русски: «чушь»... Это, мягко выражаясь, по-немецки — «неточно», если говорить о Достоевском.

— Почему?

— По-моему, главное в Достоевском — поиск истины в человеке и поиск бога в мире и в себе. Для ясности богом будем считать — добро и прозрение. Вы не устали, господин Дицман, от нашего слишком умственного спора? Тем более, я очень плохо произношу по-немецки и, видимо, утомил вас. А оба мы утомили зал. Может быть, поговорим о чем-нибудь более конкретном? Вы не находите?

— Совсем нет, господин Никитин... Наш разговор — это скорее не спор... а откровенный диалог между Востоком и Западом на глазах аудитории, между восточным писателем и западным журналистом, и, кстати, по вниманию и тишине в аудитории я вижу, что у нас с вами есть точки соприкосновения, как это ни странно. У меня создается впечатление, что вы полемист и не раз встречались с западными писателями. Об одной дискуссии в Париже я читал, вы там выступали о социалистическом реализме, о смысловом искусстве. Я не ошибаюсь?

— С тех пор как моими романами и моей персоной заинтересовались на Западе, меня стали приглашать на международные дискуссии. И я люблю спорить как каждый писатель и хочу что-то понять — хотя бы позицию своего оппонента. Просто истина, господин Дицман,— чересчур абсолютная вещь. Если у вас болит голова, вы же не станете принимать лекарство от расстройства желудка. Если вы любите женщину, вы не будете обнимать фонарный столб и целовать его. Что бы вы ни утверждали, существует в мире абсолют.

— Прекрасно сказано, господин Никитин! Тем не менее я не соглашаюсь с вами. В понятие «любовь» современный человек вкладывает совершенно другой, индивидуальный смысл, чем вкладывал человек девятнадцатого века или человек довоенного времени. Здесь вы заблуждаетесь, вы имеете в виду одно позитивное начало, как объединение, но — нет и нет!— любовь современного человека — это и разъединение полов. Никто не знает, в чем любовь истинная. Любовь — всегда альтернатива.

— Это как же? Примитивно говоря, ну... элемент физический — вполне понятная истина: любовь мужчины к женщине и наоборот. Если же говорить о природной физической любви, то какую разъединенность и какую альтернативу полов вы имеете в виду?

— Господин Никитин, вы серьезный человек и постарайтесь меня понять не с точки зрения социалистической, а с точки зрения западной морали. Любовь в современном мире лишена ложных предрассудков, и свободной цивилизацией опрокинуты ложные сигналы «стоп», эти, пожалуй, архаичные запреты, которые сковывали свободу человеческих чувств между ним и ею, или... между ним и ним, или ею и ею... Каждый свободен в выборе партнера.

— Плохо понимаю. Вы говорите о гомосексуализме, что ли? Об извращении любви? Так ведь реалист, я поклоняюсь истине. И я терпеть не могу искаженный мир в кривом зеркале комнаты смеха где-нибудь в Луна-парке.

— Не смейтесь, господин Никитин. Никто не знает, что в любви извращение и что не извращение, каждый предпочитает прислушиваться к голосу своего сердца. Больше всего извращений бывает в политике, ужасных извращений, которые убивают свободу человека.

— У вас, конечно, есть жена, дети, господин Дицман.

— К счастью, я не женат.

— Жаль. Тогда я не смогу привести нескромный пример, который вертится у меня в голове.

— Господин Никитин! Вы ничем не удивите нас, никаким примером, мы живем в эпоху сексуального взрыва, когда сорваны все покровы с человеческого тела и существует полная свобода выбора для задавленных прежде комплексов.

— Да, я имел удовольствие видеть взрыв комплексов на экране и на сцене в некоторых городах мира и у вас.

— О, прекрасно! И это было вам интересно как реалисту?

— Думаю, что реалисты не должны закрывать глаза на то, что есть. Знать надо все. Тем более что у нас в России, слава богу, не показывают аномалии любви со сцены.

— Момент, господин Никитин. У русских нет подавленных комплексов и, как вы сказали, аномалий любви? Вы утверждаете? Вы в этом уверены?

— Нет, не утверждаю. И это дело клиники. Но я не то хотел сказать, господин Дицман, и пусть простят меня женщины, сидящие в зале, за вынужденный аргумент... Представьте свою несуществующую дочь, прекрасное, юное существо, которое может в простой и тайной, как вселенная, любви принести миру не менее прекрасное существо, однако склонна любить не парня, а девушку,— вы закрыли бы глаза на эту неестественность, спокойно говорили бы о свободе выбора?

— Лично я не сказал бы ей ни слова. Пусть поступает так, как хочет. Не я, а она выбирает предмет любви.

— Не есть ли это антиистина, насилие над природой и истиной?

— Нисколько. В этом я вижу свободное проявление индивидуального «я», свободу личности.

— Тогда у меня нет доказательств. Проблема исчерпана.

— Я вмешаюсь, господа мужчины, с разрешения председателя! Это надо сказать!

— Ради бога, госпожа Титтель, пожалуйста, один ваш голос — наслаждение для всех!

— Петь я не собираюсь... А вот в любви все решает дело вкуса и нелепых наклонностей, так я думаю. Женщина, бесспорно, нежнее, но я предпочитаю неотесанного мужчину со всеми его мерзкими недостатками. Я читала Мопассана. У него есть хорошая фраза: да здравствует маленькая разница! Вот что я вам скажу. И за французского писателя не намерена краснеть.

— Глубокоуважаемая, прелестная госпожа Титтель, благодарю за реплику с места и замечу: именно вас боготворят, в вас одинаково влюблены и мужчины и женщины, потому что талант принадлежит всем! Уважаемые дамы и господа! Нам следует поблагодарить прекрасную госпожу Титтель, которая присутствует на нашем диспуте. Ваши аплодисменты и смех удовольствия я понимаю и присоединяюсь к ним... Так вы закончили, господин Никитин, тем, что исчерпываете проблему отсутствием доказательств, и я почувствовал в ответе какую-то хмурую иронию, не так ли?

— Не ошиблись. Я хотел сказать, что, вероятно, мы слишком вторгаемся в интимную область, которая не требует такого широкого обсуждения.

— И здесь вы глубоко заблуждаетесь! Эти вопросы широко дискутируются у нас и в печати и по телевизору, в том числе и закон об отмене запрета на порнографию. Не так ли, господин Вебер? Простите, господа, теперь я обращаюсь в зал. Не так ли, господин Вебер?

— От ваших умных проблем переворачиваются мозги... Когда собираются интеллигенты, начинается большая каша. И все вопросы упираются в секс.

— Ваша шутка одобрена аплодисментами, господин Вебер... Так или иначе, я склонен еще раз возразить господину Никитину. Если бы я запретил своей дочери, которой у меня нет, любить того, кого она выбрала, то, возможно, подчинившись мне, она сказала бы через несколько лет: «Отец, я несчастна, ты лишил меня любви!»

— Какая поразительная логика! И вы за такую свободу выбора? Так после этого вешаться надо! Знаете, прийти домой, найти покрепче крюк, снять ремень — и скорее, скорее

из этого свободного секса — в прекрасный ад! Вот это единственный не выбор, а выход из оскорбляющих человека непристойностей!

— Вы возмущены, господин Самсонов? А как вы думаете, господин Никитин? Видите ли вы в сексуальной проблеме непристойность?

— Что я думаю? Когда насилуют и извращают саму природу, она заболевает и погибает, и вместе с ней, конечно, человек. А это уже страшнее, чем заражение химическими отходами биосферы... Минуту, Платон, наклонись ко мне... слушай, держи себя в руках, твой горячий крик никого не убедит в этой дискуссии. Спокойней...

— А с какой стати я должен быть изысканно-спокойным? Неужели ты хочешь, чтобы я сидел и хлопал ушами, изображая милого русского, согласного со всякой чепухой? Бывают и пределы словоблудию, знаешь.

— А не думали ли вы, господин Никитин, что сам человек является извращением природы, не приходило ли вам в голову подобное сомнение? Кто установил, что есть нормальное и ненормальное? Неужели законодательствовал бог? А он — категория нормальная? Люди? А нормальны ли они? Что есть норма? С чьей точки зрения? Если слова, определяющие священный акт любви, люди употребляют как самые грязные ругательства, не извращены ли эти люди? Подумайте, подумайте над этим... А вспомните заборные надписи, надписи в общественных туалетах?

— Мы так далеко уйдем сейчас в споре, что опасаюсь — назад из безумия дороги уже не будет.

— Ха-ха-ха, благодарю вас за красивый аргумент. Вы не хотите продолжать разговор на эту тему, поэтому я позволю себе сделать некоторый вывод. Сознание человека Запада — я говорю об интеллигенции — слишком обнаучено, в то время как современная философия и социология не получили развития в странах социализма. Это была ваша защита веры, которая должна была держаться за счет расширенного оптимизма. Не так ли? Вы оптимист, господин Никитин, хотя у вас бывают грустные глаза и пишете вы трагические романы. Но и вы и вся ваша литература пытаетесь сохранить старый миф о человеке, созданный еще романтическим Шекспиром и вашим Толстым. Тот, кто у вас называется героем в жизни и литературе, в сознании западного человека оценивается совсем иначе, ваш герой в нашем понятии совсем другое.

— Внимательно слушаю. Продолжайте.

— Современный интеллектуальный западный персонаж, господин Никитин,— это химически очищенный, оголенный субъект рода человеческого, который двигается, как во сне. Независимая частная жизнь невозможна, возникло бессилие человека перед эпохой, расщепление личности проблемами: зачем, а что дальше? Западные интеллигенты не утверждают, как вся ваша социалистическая литература, а спрашивают действительность, задают ей вопросы, и нет ни судей, ни виновных... И это не модернизм, совсем нет, господин Никитин. Современному миру машин не нужны ни Шекспир, ни Толстой, ни Достоевский. Западный роман отошел от прошлого реализма потому, что хотел быть реалистичным. И это не парадокс. Роман — рентген, но без диагноза болезни, потому что врачи не знают, каким образом радикально лечить, этого не знает никто. Сейчас не может быть канонизированного писателя, как, к примеру, Толстой, Томас Манн или Золя, который заявлял, что знает о человеке все. Вы согласны с формулой Золя?

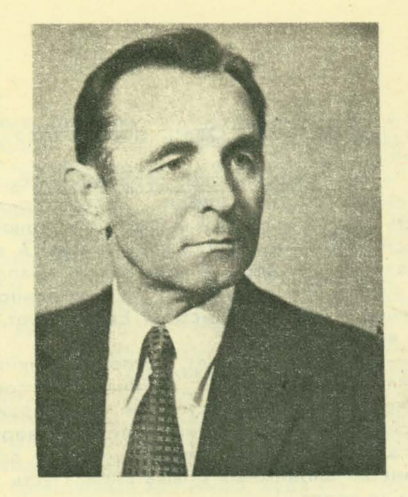
— Нет, не согласен. Мне кажется, что самоуверенность и вызов имели место в этом заявлении французских натуралистов. Впрочем, один русский классик, живший в одну эпоху с Золя, утверждал совершенно противоположное: никто не знает всей правды. Это ближе к истине.

— О! Господин Никитин! Вы сейчас заговорили, как западный писатель, и подтверждаете мою мысль!

— Это заговорил не я, а русский классик девятнадцатого века. Не делайте мне комплимента. Я горжусь, что имею отношение к великой русской литературе. Вот видите — вы заставили меня говорить высоким штилем.

Продолжение следует.

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Любовь к людям, стране, ее просторам, лесам и рекам проявляется у писателя Юрия Грибова в светлой радости, в той поэтичности, с какой описывает он нашего современника, красоту родной земли.

Уроженец села Бугры, Горьковской области, Ю. Грибов в годы войны работал мотористом на волжских судах, затем добровольцем ушел в армию. Командиром пулеметной роты воевал на Первом Белорусском фронте. Имеет семь правительственных наград. Был военным корреспондентом. Демобилизовался в 1956 году в звании майора. Много лет работал в газете «Советская Россия», собкором на Верхней Волге и на Северо-Западе РСФСР, был членом редколлегии.

Первая же книга, «Над Иленкой загорается свет», которая вышла у Ю. Грибова в Костроме в 1956 году, показала истоки творчества будущего писателя. С детства впитывал он самобытный говор деревенских сказителей, многоголосый гул сельских сходов, праздеств. В его произведениях слова обретают свою изначальную свежесть, радуют естественностью народной разговорной речи.

Война и деревня — главные темы Юрия Грибова, его боль и радость. Об этом его книги «Рубиновые серьги», «Сильнее смерти», «Тихие острова», «Журавлиная стая», «Капель», «Тайна старой мельницы», «Пора зарниц и облаков», «Сороковой бор» и другие.

Военные произведения писателя отмечены глубоким осмыслением хода батальных событий, пристальным раскрытием духовного мира «человека в шинели». Фронтовая жизнь предстает в них во множестве своих проявлений — возвышенного и низменного, доброго и злого, прекрасного и уродливого, отзываясь в читательском сердце высокой болью и преклонением перед подвигом тех, кто отстоял нашу землю.

Рисуя человека деревни, Ю. Грибов ищет те душевные нити, которые связывают его с родной землей. Он с неподдельным уважением относится к хлеборобу, любовно пишет о нем, умеет показать красоту его души. Особенно хорошо удаются писателю образы женщин-тружениц, образы людей-творцов, у которых и широта кругозора, и смелость мечты, и любопытство ко всему земному.

В книгах Ю. Грибова неотделимо от труда, от людских повседневных забот и дел живет природа. Чувство этой тесной дружбы с природой отличает многих грибовских героев. Начало всех начал они видят именно в родственной близости с «кормилицей землей», которая и лечит и учит труду, мудрости, песне.

Слушая Юрия Грибова по радио, читая его книги, очерки в газетах и журналах, разговаривая с ним в рабочем кабинете в редакции «Литературной России», которую он возглавляет, неизменно ощущаешь его по-народному ясное и заинтересованное отношение к жизни. Новыми творческими свершениями встречает писатель свое пятидесятилетие.

Для писателя и публициста, коммуниста, заслуженного работника культуры РСФСР Юрия Грибова нет мелочей. В обыденном он раскрывает поэтическое, в незаметном— значительное. Раскрывает во всей жизненной сложности и внутренней противоречивости. Жизнь, описываемая им, полна радости и страдания, горькой боли и ликующего счастья.

Михаил ЛАПШИН

ТВОРЦАМ БУДУЩЕГО

Мальчик на обложке улыбается. Ему нисколько не тяжела его ноша. Это, конечно, символ: молодости все под силу. Надо только найти правильное применение ей.

Как выбирают профессию те, кому не дано от рождения ярко выраженного дарования — петь, рисовать, писать стихи, сочинять музыку? Когда и физика, и биология, и астрономия, и все прочие науки более или менее привлекательны, но предпочтения не испытываешь? Чаще всего дело решает случай — или вуз близко от дома, или друг «потащил» за собой в институт, или просто подал заявление туда, где конкурс меньше. И вот диплом получен, молодой специалист приступает к работе и вдруг понимает, что его нисколько не интересует дело, которым он должен заниматься. Он ошибся. Он был недостаточно ориентирован. В таких случаях некоторые — сильные — начинают все заново. Работая, переучиваются, получают другую профессию, уже осознанно, но ценой значительно больших усилий. Ну, а многие так и проживут всю жизнь, занимаясь нелюбимым делом. Если бы им вовремя рассказали, какие интереснейшие проблемы стоят перед той или иной областью науки!

Как раз с этой целью издательство «Педагогика» начало выпускать новую серию — библиотечку Детской энциклопедии «Ученые — школьнику». В первой книге библиотечки два всемирно известных советских академика Николай Николаевич Семенов и Игорь Васильевич Петрянов взяли на себя труд познакомить сегодняшних школьников с теми вопросами, которые предстоит решать ученым завтра.

Авторы называют четыре основных направления, в которых будут вестись «поиски самого далекого, самого малого, самого раннего и самого сложного». Это космос, физика элементарных частиц, история происхождения жизни и, наконец, сама жизнь — тайна клетки. И сколько же разветвлений у каждого из этих направлений, сколько предстоит решить загадок...

«Желаем успеха в вашем творчестве!» — таким обращением заканчивается эта увлекательно написанная и прекрасно оформленная книжка. Хочется пожелать создателям новой серии дальнейших успехов в их добром начинании.

Н. КОЛОСОВА

Н. Н. Семенов, И. В. Петрянов. Неведомое на вашу долю. М., «Педагогика», 1974, 96 стр.

ПО ЛЮБВИ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ, специальный корреспондент «Огонька»

— Специальность надо выбирать, как невесту, по любви. Тогда и жизнь сложится счастливо...

Эти слова Ангела Балевского, президента Болгарской Академии наук, мне вспомнились, когда в Москве ему недавно вручали золотую медаль имени М. В. Ломоносова — высшую награду Академии наук СССР. Болгарский ученый получил ее за выдающиеся достижения в области металловедения и технологии металлов.

...Под окнами старинного особняка Президиума Болгарской Академии наук шумит молодая София. Сквозь раскрытые окна городской шум проникает и сюда, в кабинет. Но Ангел Балевский любит этот веселый гомон. Он с удовольствием бросает взгляд в окно, на людную площадь.

— Здесь влюбленные часто назначают свидания, — говорит он. — Глядя на них, я всегда думаю: какое счастье, что эти ребята и девушки не знали, что такое фашизм! Они родились уже в свободной стране, они должны быть счастливы. И знаете, я убежден, главный залог счастья — по любви выбранная профессия. Вот почему во время встреч со студентами, с молодыми инженерами и учеными я так часто повторяю: специальность надо выбирать по любви, как невесту.

— А как вы сами выбирали профессию? — спрашиваю я.

— По любви. Только тогда это было непросто.

Ангел Балевский минуту молчит, словно вспоминая что-то очень далекое, и сам задает мне вопрос:

— Вы знаете, что такое «полица»? Ручаюсь, что нет. Теперь в Болгарии о ней, к счастью, забыли. «Полица» — долговой документ, по которому больше пятнадцати лет я выплачивал все, что задолжал за время учебы в Высшем техническом училище.

Он родился в городе Трояне, на Балканах, 9 сентября 1910 года. Это сейчас в его родном городе 13 тысяч жителей работают на промышленных предприятиях; а тогда это был маленький сельский центр.

Народ здесь особенный; недаром Балканские горы называют хранителем народного духа Болгарии. Суровые горные условия выработали у людей твердый характер, огромное трудолюбие и крепкое чувство товарищества.

Отец умер, когда Ангелу не исполнилось и пяти лет.

— Помню мать, заплаканную, в черном вдовьем платке. Помню долгие зимние вечера, уже без отца, и мать, склоненную над шитьем: я не видел ее никогда отдыхающей...

Ангел окончил шесть классов в своем городе, потом рабочую гимназию в Софии. Чтобы продолжать образование, нужны были деньги. Все родственники сошлись на совет и порешили собрать кто сколько может. И хотя денег набралось мало, Ангел все-таки уехал в Брно, в Высшее техническое училище.

Он жил почти впроголодь, но института не бросил и после окончания его еще 15 лет выплачивал долги за учебу. Инженеров в Болгарии в те годы было немного, но найти работу без протекции оказалось непросто, и он работал на маленьких частных предприятиях.

В марте 1941 года царь Борис и правительство Филова официально присоединили Болгарию к фашистскому лагерю. В тот же день в страну вступили фашистские войска. Честные люди в Болгарии включились в борьбу с фашизмом. Среди них был и молодой инженер Балевский. Он сделал приспособление к радиоприемнику, слушал Москву и рассказывал о положении на фронтах товарищам на заводе. А когда началось наступление советских войск, инженер каждый день красным карандашом отмечал победоносный путь армии освобождения на карте и тайком вывешивал свою карту на заводе.

Он не был тогда коммунистом; он был просто честным человеком. А коммунистом Балевский стал в 1944 году. Рекомендацию в партию ему дали рабочие.

— С тех пор прошло больше тридцати лет, и я постарался оправдать их доверие, — говорит президент.

— А как в вашу жизнь вошла наука?

— Заниматься наукой меня заставил академик Наджаков, — улыбается Ангел Балевский.— Это был крупный болгарский ученый, физик. После освобождения Болгарии от фашизма пришло время позаботиться о подготовке специалистов у нас на родине. Сам Наджаков очень многое сделал для организации высших учебных заведений в стране. Он и пригласил меня к себе, посоветовав работать преподавателем на кафедре технологии металлов.

Ныне эта кафедра превратилась в самое крупное высшее учебное заведение Болгарии, а ее первый профессор стал академиком, президентом Болгарской Академии наук, дважды лауреатом Димитровской премии. У него более пятидесяти научных работ, посвященных решению сложнейших теоретических и практических вопросов металловедения и литья. При непосредственном участии академика были разработаны новые методы получения сплавов высокой прочности и пластичности. Его способ создания точных металлических отливок сложной формы с использованием противодавления запатентован в США, Англии, Франции, ФРГ. О том, как Ангел Балевский читал лекции, и теперь еще ходят легенды среди студенчества.

— Вы думаете, технология металлов — скучная тема? — говорит мне кандидат технических наук Кинго Попов. — Когда лекцию читал Балевский, казалось, что ее читает поэт. «К металлу надо относиться, как к живому существу, знать и любить его привычки и даже капризы»,— учил он.

А вот как рассказывает о Балевском инженер Петко Лазарев: «Профессора всегда интересовало, умеем ли мы думать самостоятельно, и он часто пытался вызвать нас, студентов, на спор».

— Самое тяжелое, если ты встретился с ученым, не желающим выслушать мнения другого ученого. Ты должен попытаться его понять, признать его правоту или убедить его в своей,— говорит академик.— Жаль, что теперь я уже не читаю лекций — не хватает времени. Когда я читал лекции студентам, это, пожалуй, было для меня самым счастливым временем.

— А ваша научная работа, разве она не счастье? — спрашиваю я.

— И лекции, и научные исследования, и работа на производстве — творчество. Ведь творить — значит любить людей, отдавать часть своей души. Помню, я работал инженером на сталелитейном заводе, очень долго бился над конструкцией машины для очищения отливок. Ночью и днем думал об этой машине. И вот однажды ночью мне приснилось, что иду я по своему цеху и вижу — стоит машина. Бросился к ней, смотрю, как она устроена,— все очень разумно. Проснулся — и бегом к чертежам. Через несколько часов у меня была готова конструкция. И это было счастьем!

— Наука — это творчество,— повторяет академик.— Часто научная идея складывается, как народная песня, когда даже не скажешь точно, кто ее автор. Расскажу вам такой случай... Я работал над изучением течения жидких металлов в клапанах. Сначала мы решили использовать обычный метод литья под низким давлением. Сделали специальную пресс-форму. Но проявились известные при этом способе недостатки — пузыри воздуха попали в металл, нарушили его однородность. Полного удаления воздуха не удавалось добиться. «А что, если воздуха не бояться, а использовать его как пресс, чтобы он сам нажимал на жидкость?» — подумал я тогда. Вот так родился простой метод литья с противодавлением для различных металлических и неметаллических материалов. Конечно, кое-что в этот метод внес я, но очень многое было сделано моими коллегами по заводу. Это был коллективный труд, как народная песня.

Метод, о котором рассказал сейчас Балевский,— одна из тех работ, за которую академик удостоен золотой медали имени М. В. Ломоносова.

Его слова о связи научной идеи одного человека и коллектива, науки и производства президент Болгарской Академии наук подтверждает своей жизнью и работой. Пятнадцать лет назад при Академии наук была создана секция технологии металлов. Сейчас это крупнейший научный институт. И хотя институт образован при Академии наук и руководит им сам президент, он тесно связан с производством. Фактически новый институт представляет собой научно-производственное объединение.

— Нам очень помогают металлурги Советского Союза,— рассказывает академик.— Самые тесные научные и дружеские связи у нас с сотрудниками Института электросварки имени Патона Украинской Академии наук, с московскими учеными из научно-исследовательского института металлургического машиностроения, которым руководит Александр Целиков. Его труды великолепны. Я горжусь, что золотая медаль имени Ломоносова присуждена мне вместе с советским академиком Целиковым.

В наши дни приходится слышать о необходимости узкой специализации ученых. Ангел Балевский своими исследованиями опровергает эту идею. Он человек широкого диапазона: исследователь, инженер, лектор, организатор, писатель и общественный деятель. Его работы касаются как узких специальных вопросов металловедения, так и глобальных проблем науки, общества. В одной из своих последних статей он пишет, что каждое человеческое деяние подлежит оценке с точки зрения нравственности. Труд ученого тоже подлежит такой оценке. Никогда еще ученые не несли бо́льшую ответственность перед человечеством, чем теперь.

— Я рассказывал о «полице», долговом документе, который существовал раньше в Болгарии,— говорит ученый.— «Полицы» теперь нет, но долг ученого перед обществом остается. Огромный долг, который он обязан вернуть народу. Наука не может стоять в стороне от таких важных социальных проблем, как защита мира, загрязнение окружающей среды, борьба с преступностью и неграмотностью. Ученый в наши дни — это ускоритель процесса превращения группового общественного мнения в национальное и особенно интернациональное.

Долг ученого состоит в том, чтобы плоды прогресса служили человеку, а не порабощали его. Вот почему я и говорю: главное качество настоящего ученого в наши дни — это острое сознание своего долга перед народом. И, конечно, как во все времена, любовь к своему делу. Впрочем, без этого качества ученого просто не бывает.

София — Москва.

МНЕНИЕ ДЕЛОВОЙ АМЕРИКИ

В. НИКОЛАЕВ
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

С известным американским бизнесменом Дональдом Кендаллом я уже ранее встречался, поэтому на сей раз наша беседа носила с самого начала весьма конкретный и откровенный характер. Естественно, мы говорили о советско-американских деловых связях. В первую нашу встречу, два года назад, Кендалл рассказывал о тех широких перспективах, которые открывались тогда перед США и СССР в области экономического сотрудничества. Он говорил с большим воодушевлением и большим знанием дела не только потому, что сам является одним из капитанов американского бизнеса, но и потому, что занимает пост председателя правления советско-американского торгово-экономического совета с американской стороны.

Прошедшие два года во многом подтвердили прогнозы моего собеседника. Кендалл рассказал об итогах проходившей недавно в Москве пятой сессии советско-американской комиссии по вопросам торговли. Советскую делегацию возглавлял министр внешней торговли СССР Н. Патоличев, американскую — министр финансов США У. Саймон. Обе стороны отметили дальнейший прогресс в развитии торговли между обеими странами. Так, в 1974 году объем взаимной торговли составил примерно один миллиард долларов. При сохранении таких же темпов товарооборота в текущем году поставленная во время переговоров на высшем уровне задача о доведении товарооборота между СССР и США в течение 1973—1975 годов до двух-трех миллиардов долларов будет выполнена. На этой же сессии было решено в ближайшее время начать выработку программы развития торговли на трех-пятилетний период.

Во время своей пятой сессии комиссия также заслушала сообщение президента американо-советского торгово-экономического совета Г. Скотта (о моей беседе с ним речь пойдет ниже.— **В. Н.**). Комиссия с удовлетворением отметила проделанную советом и его органами работу по содействию деловым кругам обеих стран в выявлении возможностей расширения взаимного сотрудничества. В этой высокой оценке деятельности совета есть и заслуга его сопредседателя Д. Кендалла.

Да, проделана немалая совместная работа, но результаты, говорил мне Кендалл, могли бы быть еще более внушительными. Дело в том, что враги советско-американского сотрудничества свои усилия направили именно на подрыв экономических контактов между нашими странами. После завершения работы пятой сессии советско-американской комиссии по вопросам торговли Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев принял в Кремле министра финансов США У. Саймона и в беседе с ним, в частности, подчеркнул, что отношения между СССР и США в торгово-экономической области могут успешно развиваться на единственно возможной прочной основе — при полном равноправии сторон, отсутствии какой-либо дискриминации и вмешательства во внутренние дела друг друга.

Как известно, Советское правительство отказалось ввести в действие советско-американское торговое соглашение 1972 года. На то были веские причины. В числе широкого круга проблем, охваченных этим соглашением, было специально оговорено, что американская сторона снимет дискриминационные ограничения в торговле с СССР и предоставит нашей стране так называемый режим наибольшего благоприятствования. Последний термин, по-моему, не совсем точно отражает сложившуюся ситуацию. Речь шла и идет именно об устранении дискриминации в торговле по отношению к нашей стране, о предоставлении ей не каких-то особых благоприятных прав в торговле с США, а таких же прав, какими пользуются другие страны. Судите сами. Вот цитата по этому поводу из «Нью-Йорк таймс мэгэзин»:

«Со времени «холодной войны» у Соединенных Штатов существуют две тарифные системы. Для товаров, импортируемых из Советского Союза и одиннадцати других коммунистических стран, установлены высокие запретительные пошлины. Все остальные 130 с лишним стран мира, даже ЮАР, автоматически пользуются льготами, которые дает статус наибольшего благоприятствования. Это значит, что пошлины на их товары намного ниже. Так, например, за импорт икры из СССР взимается 30-процентная пошлина, в то время как для иранской икры она составляет 15 процентов».

Кажется, все ясно? Необходимо было ликвидировать явную несправедливость. Но не тут-то было! Враги разрядки и советско-американского сотрудничества открыли огонь именно по торговому соглашению между нашими странами. Ликвидацию дискриминации в торговле они обусловили требованиями, имеющими цель повлиять на эмиграционную политику нашей страны. А таковая политика, как это известно любому здравомыслящему человеку, является сугубо внутренним делом как Советского государства, так и любого другого. Требовать каких-то в ней изменений — значит вторгаться во внутренние дела нашей страны. Тем не менее рассудку вопреки весьма влиятельные силы, избравшие своим рупором сенатора Джексона, развернули в конгрессе США шумную кампанию, в результате которой конгресс отклонил предложение американского правительства об устранении дискриминации в торговле с СССР. При этом конгресс также наложил ряд произвольных ограничений на деятельность экспортно-импортного банка США. В частности, на ближайшие четыре года общая сумма экспортных кредитов была лимитирована тремястами миллионами долларов. Если говорить о торговле между США и СССР всерьез, то такая сумма кредитов явно не соответствует масштабам обеих стран.

Дональд Кендалл, комментируя эту сторону американо-советских отношений, приводит цифры кредитов, предоставляемых Советскому Союзу другими странами: Франция предоставляет 2,8 миллиарда, ФРГ — 1,5 миллиарда, Япония — 1 миллиард. А США, как мы уже сказали,— только 300 миллионов. Разумеется, в таком случае деловые связи Советского Союза с другими странами могут быть оживленнее, чем с США. А в то же время, подчеркивает Кендалл, при наличии со стороны США кредита Советскому Союзу хотя бы в 2 миллиарда долларов в Соединенных Штатах появилось бы работы на год для 400 тысяч человек.

Д. Кендалл так охарактеризовал происки врагов советско-американского экономического сотрудничества: «Я считаю отказ Советского Союза подчиниться условиям, выдвинутым в принятом конгрессом торговом законодательстве, не только оправданным, но и единственно возможным,— условия эти были оскорбительные».

Этот справедливый вывод разделяют многие американцы, от бизнесменов и политиков до рядовых граждан. У меня лично после поездки по США создалось впечатление, что против этого решения конгресса выступает большинство американцев. Происки сенатора Джексона и компании, направленные на срыв советско-американского делового сотрудничества, препятствуют развитию разрядки напряженности и наносят удар по американским же интересам. Говоря о советско-американских отношениях в сфере экономики, еще до решения конгресса США, тогдашний министр торговли Соединенных Штатов П. Питерсон заявил: «Мы полагаем, что теперь начнется новая эра, которая принесет нашей стране не только важные дивиденды мира, но и весьма существенные экономические дивиденды».

Министр торговли знал, что говорил. Выгода от советско-американских деловых отношений взаимная. Для США она тем более важна, ибо американская экономика переживает сейчас свой далеко не лучший период. При достигшей таких масштабов безработице развитие деловых связей с нашей страной означает для США сотни тысяч новых рабочих мест, которых ждут не дождутся миллионы американцев. Один пример из многих: лишь первые контракты по поставке оборудования для автозавода на Каме обеспечили около 160 тысяч новых рабочих мест в США.

Раскрыв принцип взаимной выгоды в деловом советско-американском сотрудничестве, Д. Кендалл остановился на той борьбе, какую он и другие здравомыслящие бизнесмены вели и ведут с сенатором Джексоном и стоящими за ним силами. Кендалл вручил мне копии своих посланий ведущим американским политикам и бизнесменам, в которых он призывает выступать за устранение дискриминации в торговле с Советским Союзом. К его посланиям был приложен анализ выступлений американской прессы по этой проблеме. В анализе, в частности, говорится: «Из пятидесяти ведущих газет США сорок три совершенно определенно выступают против «поправки Джексона».

* Начало см. в №№ 22, 23, 24.

Четыре газеты занимают нейтральную позицию. И только три поддерживают Джексона в этом вопросе». Убедительная статистика! Газета деловых людей «Джорнэл оф коммерс», например, пишет: «Наша страна никогда не согласится и не должна соглашаться с тем, с чем также не согласится никакая другая великая держава, а именно: с законом по торговым вопросам, предусматривающим, что он будет действительным только в том случае, если данная страна изъявит готовность изменить внутреннюю политику, которую другая страна считает неправильной».

Кстати, весьма показательно, что такого же мнения придерживается и большинство сторонних наблюдателей. Так, орган деловых кругов Бельгии «Эко де ла бурс» заявляет: «Советская позиция совершенно оправдана. Очевидно и то, что в американских кругах, в частности в кругах крупной промышленности, не разделяют мнения конгресса и упрекают его в том, что он находится под слишком сильным влиянием сионистского лобби в ущерб долгосрочным интересам США». Последнее замечание весьма характерно. Так, «Нью-Йорк таймс мэгэзин» со знанием дела свидетельствует, что из многих организаций, которые воздействовали на американский конгресс с целью заставить его согласиться на «поправку Джексона», важную роль сыграл так называемый «Комитет по оказанию помощи евреям в России». Этот же журнал называет и другие силы, стоящие за сенатором Джексоном: «Американский еврейский комитет», «Комитет по американо-израильским общественным отношениям» и организации подобного же толка.

Подытоживая свои рассуждения в связи с советско-американским деловым сотрудничеством, Д. Кендалл убежденно сказал мне, что, по его мнению, в самом недалеком будущем дискриминация в торговле с Советским Союзом будет ликвидирована.

Мнение Кендалла весьма характерно. Важно, что его высказывает один из ведущих американских бизнесменов. Возглавляемая им фирма «Пепсико» так сообщает о своих делах в годичном отчете: «В 1974 году, впервые за всю свою историю, компания продала продукции на сумму, превышающую два миллиарда долларов, что особенно показательно в такой тяжелый год, каким был год 1974-й». В том же отчете говорится, что прирост проданной продукции по сравнению с предыдущим годом составил 23 (!) процента. «Пепсико» предлагает своим покупателям напиток пепси-колу, всевозможные закуски, а также спортивный инвентарь. Размах дела внушительный — пятьсот заводов по производству пепси-колы в 120 странах; пятьдесят тысяч служащих. И что любопытно — на обложке годичного отчета фирмы помещена цветная фотография: малыш стоит у прилавка с бутылками пепси-колы. Снимок сделан в Сочи. Бутылки с напитком — продукция завода, построенного при содействии фирмы «Пепсико» в Новороссийске. Первого такого предприятия в нашей стране. Д. Кендалл на прощание выражает уверенность, что не последнего...

В Нью-Йорке я встретился с другом и коллегой Д. Кендалла по большому бизнесу Габриэлем Хоугом, банкиром, председателем правления Мэньюфэкчурерс Хановер Траст Корпорейшн. В годовом отчете, подписанном Хоугом, говорится (почти в тех же словах, что и в отчете «Пепсико»), что оборот корпорации в 1974 году возрос по сравнению с предыдущим годом на 30 (!) процентов. Кстати, и общая его сумма внушительная — 25 миллиардов долларов. И вот этот более чем преуспевающий бизнесмен, так же как и Д. Кендалл, убежденно ратует за экономическое сотрудничество с нашей страной. То есть я хочу подчеркнуть, что в деловых связях с нашей страной заинтересованы весьма и весьма преуспевающие, ведущие американские бизнесмены. И не только с Советским Союзом, но и с другими социалистическими странами.

Г. Хоуг рассказал о том, что он и его коллеги делают для развития экономического сотрудничества с социалистическими странами. Более одиннадцати тысяч миль проехал он и другие руководители корпорации по Советскому Союзу, Польше, Венгрии, Чехословакии и Румынии.

— Я могу сказать,— заявил мне Хоуг,— о чувстве удовлетворения в результате этой поездки. Взаимные подозрения между Востоком и Западом уменьшились, и теперь желательно, чтобы деловое сотрудничество начало расширяться. Другое мое твердое убеждение, которое я вынес из этой поездки, продолжавшейся несколько недель, состоит в том, что существенное улучшение в сфере экономического сотрудничества между США и социалистическими странами потребует большой работы и планирования.

Далее мой собеседник привел конкретные примеры деловых связей его корпорации с организациями Советского Союза, Польши, Румынии... Если говорить, продолжал он, не только о связях нашей корпорации, то в настоящее время многие американские банки установили коммерческие связи с социалистическими странами.

— Я верю,— утверждал Хоуг,— что эти связи будут расширяться до масштабов, которые удивят даже нас самих. Я верю, что все больше и больше американских фирм и банков будут включаться в этот процесс делового сотрудничества с социалистическими странами. Убежден, что у американского бизнеса есть немало способов расширить торговлю между Западом и Востоком. Например, мы должны мобилизовать наши усилия для предоставления социалистическим странам режима наибольшего благоприятствования в торговле с США.

— Кстати,— заметил мой собеседник,— деловые связи нашей корпорации с Советским Союзом и другими социалистическими странами насчитывают немало лет. Мы накопили большой опыт такого сотрудничества. И должен отметить, что наши социалистические партнеры всегда пунктуально выполняют свои обязательства и никогда не нарушают взаимной договоренности. К тому же они являются настоящими партнерами еще и потому, что с ними всегда надо вести серьезные переговоры на основе взаимного уважения и правил делового мира. Со своей стороны,— заключил Хоуг,— я хочу особо подчеркнуть возросшие возможности в сфере финансовых операций между США и социалистическими странами.

Для оказания помощи американским фирмам, сотрудничающим с Советским Союзом, создан уже упоминавшийся выше советско-американский торгово-экономический совет. Я встретился с его президентом Гарольдом Скоттом. Он сказал:

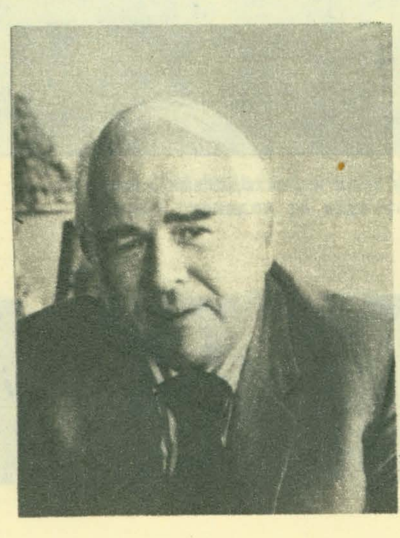
— Существует много международных организаций, способствующих развитию торговли, но наш совет является в своем роде уникальным учреждением. Дело в том, что он не просто способствует расширению советско-американского экономического сотрудничества, но и предоставляет с этой целью конкретные услуги. Нет сомнения в том, что деловое сотрудничество между США и СССР будет успешно развиваться, оно выгодно для обеих сторон. Уже более 500 представителей разных американских фирм обращались за помощью к нашему совету. Более 175 американских фирм и свыше 100 советских организаций связаны через нас друг с другом. Из последних важных дел, организованных с участием совета, можно назвать поездку в Советский Союз группы руководителей американского туристского бизнеса, которая по своему составу была самой представительной из всех когда-либо выезжавших из США по этой линии. Наш совет также способствовал ряду деловых поездок в США и СССР на министерском уровне. И наконец, самое главное — наша организация, состоящая из американских и советских деловых людей, работает уже как единая команда.

В разных городах США я беседовал со многими бизнесменами. Одни из них уже имеют контакты с нашей страной, другие желают таковые установить. Я не встретил среди деловых людей Америки таких, какие были бы против советско-американского экономического сотрудничества. В одном из крупнейших промышленных и культурных центров США, в городе Хьюстоне, я разговаривал с Генри Остином, вице-президентом фирмы Браун энд Рут. Эта компания, как выразился мой собеседник, «продает технический сервис». Около сорока тысяч ее служащих конструируют и строят как в США, так и в других странах промышленные предприятия и оборудование самого разного профиля. Уже по числу сотрудников видно, что размах дела немалый.

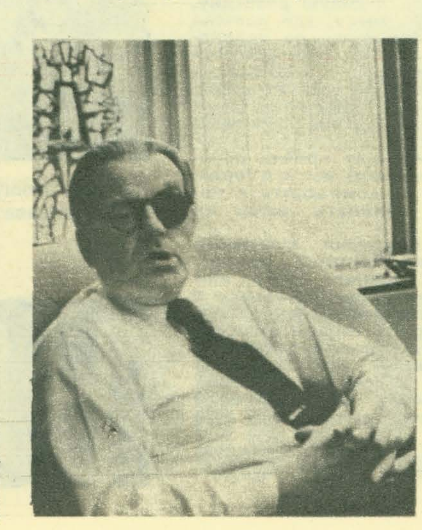
Генри Остин за последние годы несколько раз бывал в нашей стране и считает, что есть все предпосылки для советско-американского экономического сотрудничества на взаимовыгодной основе. Он подчеркивает именно эту сторону наших деловых контактов, которые одинаково полезны для обеих сторон. Фирма Браун энд Рут пока еще не имеет общего дела с нашей страной, но Генри Остин уверенно заявил: «Как только появится предложение, выгодное как для нас, так и для вас, мы немедленно приступим к работе».

Нью-Йорк — Хьюстон, США.

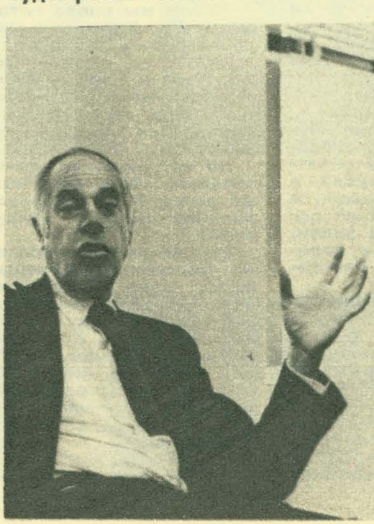
ДОНАЛЬД КЕНДАЛЛ:
«Результаты могли быть еще лучше...»

ГАБРИЭЛЬ ХОУГ:
«Социалистические страны — настоящие деловые партнеры».

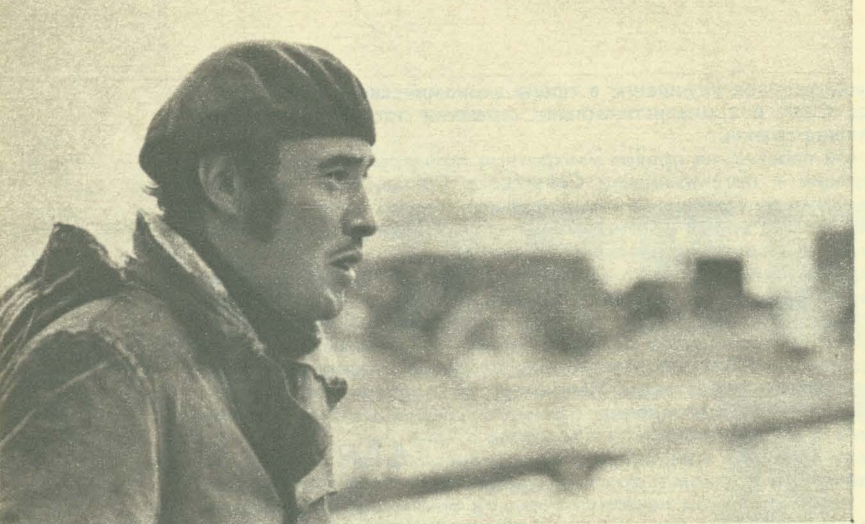

ГАРОЛЬД СКОТТ:
«Сотрудничество будет развиваться».

ГЕНРИ ОСТИН:
«Выгодно для обеих сторон».

репортаж

с места события

Караванный капитан Валерий Наумов.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото Г. РОЗОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Это случилось 16 октября прошлого года. Еще ночью свинцовые воды Енисея тяжело катились на север, а утром подул такой свирепый норд-вест, что река вздыбилась волнами. Разом ударили морозы и повалил снег.

Не было в тот день капитана, докера или матроса, у которого бы не сжалось сердце — все понимали: при такой непогоде караван может и не прорваться в верховья. Значит, зимовать придется в Дудинке или Игарке. А скопилось здесь двести пять судов Енисейского пароходства. О том, чем это может обернуться весной, старались не думать: до мая далеко, и никто не терял надежды пробиться на юг и добраться хотя бы до Подтесова. Ведь бывали же такие передряги и раньше, и все же корабли выходили на чистую воду.

Когда на стол начальника Игарского порта В. И. Дурандина легла очередная сводка погоды, он резко встал и попросил закурить. Капитаны поняли: случилось что-то необычное — Василий Иванович никогда не курил.

— Такая вот история,— сказал он.— В верховьях ударили морозы. У Подкаменной Тунгуски — тридцать пять, в Туруханске — сорок. Чтобы к вечеру ни одного судна здесь не было! Экипажи — на авральную разгрузку. Портовики помогут. Попросим и рабочих лесокомбината.

До сих пор в Игарке вспоминают тот день: мороз, снег, ветер, а нормы разгрузки судов перекрыли вчетверо! Освободившиеся суда формировались в караваны и тут же уходили вверх по Енисею — на юг. К вечеру порт опустел. Но ненадолго — с севера, из Дудинки, подошел новый караван. Некоторые суда так и не успели разгрузить.

Погода стала еще хуже. Скрепя сердце начальник порта с этой группой судов отправил свой единственный ледокол «Полярный».

— Восемнадцатую навигацию хожу на «Полярном», — рассказывает капитан ледокола П. П. Борейша,— а ничего хуже этой эпопеи не припомню. Енисей — река норовистая. Он и замерзает, я бы сказал, свирепо: буйствует, бьется, никак не берется льдом. Зато валит по реке шуга — смесь снега, воды и черт знает еще чего. Масса эта такая плотная и вязкая, что даже ледокол не может сквозь нее пробиться. Отойдем назад, разбежимся — бац, словно в тесто! Чем сильнее бьем, тем сильнее спрессовываем. Хоть плачь! Какие льдины колотим — любо-дорого смотреть. А тут — ни льдинки, но все равно пройти не можем. Верите, расстояние в три километра мы шли... двое суток. Вот что такое шуга!

Кончилось тем, что уперлись в стену: ни вперед, ни назад. Связались с Красноярском. Попросили выслать на ледовую разведку самолет. Оказалось, что вверх до самой Ангары Енисей уже подо льдом. Все! Идти некуда. Решили возвращаться назад. Легко сказать, назад. Пришлось вызывать «Петра Пахтусова» — мощный морской ледокол. Вызволил он «Полярного», и начали мы окалывать да разворачивать другие суда. Натерпелись же на обратном пути! Это говорю я, капитан ледокола, а каково было ребятам с обычных теплоходов и барж. В общем, вернулись в Игарку. Надо определяться на зимовку. А это, чтоб вы знали, непростое дело. Впрочем, потолкуйте с караванным капитаном, это по его части,— посоветовал П. П. Борейша.

В. Н. Наумов, капитан буксира «Шлюзовой-100», в те тревожные дни был назначен караванным капитаном. Ответственность огромная: весь караван на его плечах. Валерию Николаевичу едва за тридцать, но опыта ему не занимать, повадки Енисея знает.

Мы поднялись на борт «Шлюзового-100» в конце мая, когда надвигалась новая опасность.

— Чтоб было понятней, давайте посмотрим по лоции,— предложил он.— Вот Игарка. Стоит она на правом берегу, только не самого Енисея, а на протоке. От основного русла — мы его называем корабельным ходом — она отделена островом. Когда суда возвращались после неудачной попытки пробиться на юг, расставить их надо было так, чтобы сохранить во время весеннего ледохода. А это очень сложно. У нас ведь лед не тает, его просто срывает торосами, идущими с верховьев. Глубина Енисея здесь значительная. Так вот, сейчас торосы забили его до самого дна, да и над поверхностью они возвышаются метра на три. Представьте, что будет, если эта чудовищная сила навалится на караван. Щепок, и тех не останется! Сейчас мы, кажется, сделали все возможное, чтобы сохранить суда, а все равно спим и видим, чтобы лед пронесся корабельным ходом и не свернул в протоку.

— Так что же все-таки сделано, чтобы сохранить флот? — спросил я.

— Прежде всего все суда разделили на три каравана. Наиболее ценные, самоходные корабли поставили у правого берега протоки, баржи и толкачи — ближе к острову. Двадцать два судна загнали в Черную речку: есть у нас такая речонка, хоть и небольшая, а все ж в стороне от ледохода. Но до его начала весь флот надо было убрать из протоки, иначе его не спасло бы даже то, что основная масса льда пойдет по Енисею. Достаточно небольшой подвижки в самой протоке — и от каравана мало что останется. Чтобы этого не произошло, всю зиму мы вели работы по расширению Медвежьего лога: так мы называем небольшой залив. Иначе говоря, делали своеобразный карман, куда можно убрать суда. Часть экскаваторов, бульдозеров и самосвалов привели из Норильска с помощью «Петра Пахтусова», часть доставили на «Антеях» и вертолетах. Одной взрывчатки израсходовали более шестидесяти тонн. За зиму вывезли 130 тысяч тонн земли — вечной мерзлоты — и 30 тысяч тонн снега. Мы очень гордимся этим, ведь далось все огромным трудом. А весной осталось одно: ждать большую воду, чтобы загнать суда в Медвежий лог. Прибывал Енисей медленно, по сантиметрам, но позавчера, как говорится, попер! Двое суток я не выходил из рубки, но теперь можно вздохнуть: весь правобережный флот в безопасности.

Сложнее положение у острова. Семь буксиров-толкачей удалось спрятать в небольшой затон, а баржи поставили в два ряда и накрепко пришвартовали к берегу. Но это так, для самоуспокоения: если лед пойдет протокой, стальные тросы будут рваться, как нитки, и баржам несдобровать, а помочь мы им ничем не сможем. Чтобы послать на выручку ледокол, надо расколоть ледяное поле, покрывающее протоку. А делать этого нельзя, так как именно оно, поле, сдерживает натиск енисейского льда.

— Все наши надежды сводятся к тому,— подвел итог В. Н. Наумов,— что после окончания ледохода там, где протока впадает в Енисей, обычно образуется гигантская пробка из торосов. Высота ее, если считать от дна, бывает с десятиэтажный дом. Потихоньку выведем флот на чистую воду, и ледокол начнет выколачивать эту пробку. Затем можно будет взломать лед в протоке и выпустить его в Енисей. Главное, не прозевать момент...

Потом мы снова летали в ледовую разведку, ходили к Кармакульскому мысу, где должна образоваться пробка, пробирались по ледяному полю на остров, каждый час звонили гидрологам и спрашивали, каков уровень воды... Вскоре, как и все здесь, мы так заработались, что, глядя на часы, не могли понять, полдень сейчас или полночь, благо на дворе полярный день.

Но вот, наконец, долгожданная пробка образовалась, но не у Кармакульского мыса, а гораздо ниже. Вода поднялась на семнадцать с половиной метров, однако сдвинуть затор не могла.

Городская паводковая комиссия собралась на экстренное совещание. Решался вопрос: ждать, пока Енисей сам сдвинет затор, или взрывать. В конце концов еще раз полетели в ледовую разведку. Сверху хорошо видны суда, громоздящиеся друг на друга торосы, отполированные ледоходом берега и далеко-далеко на юге — кромка бирюзово-синей чистой воды...

А утром загрохотало! Енисей всей своей мощью навалился на пробку и вышиб ее в океан. Все облегченно вздохнули: суда вне опасности.

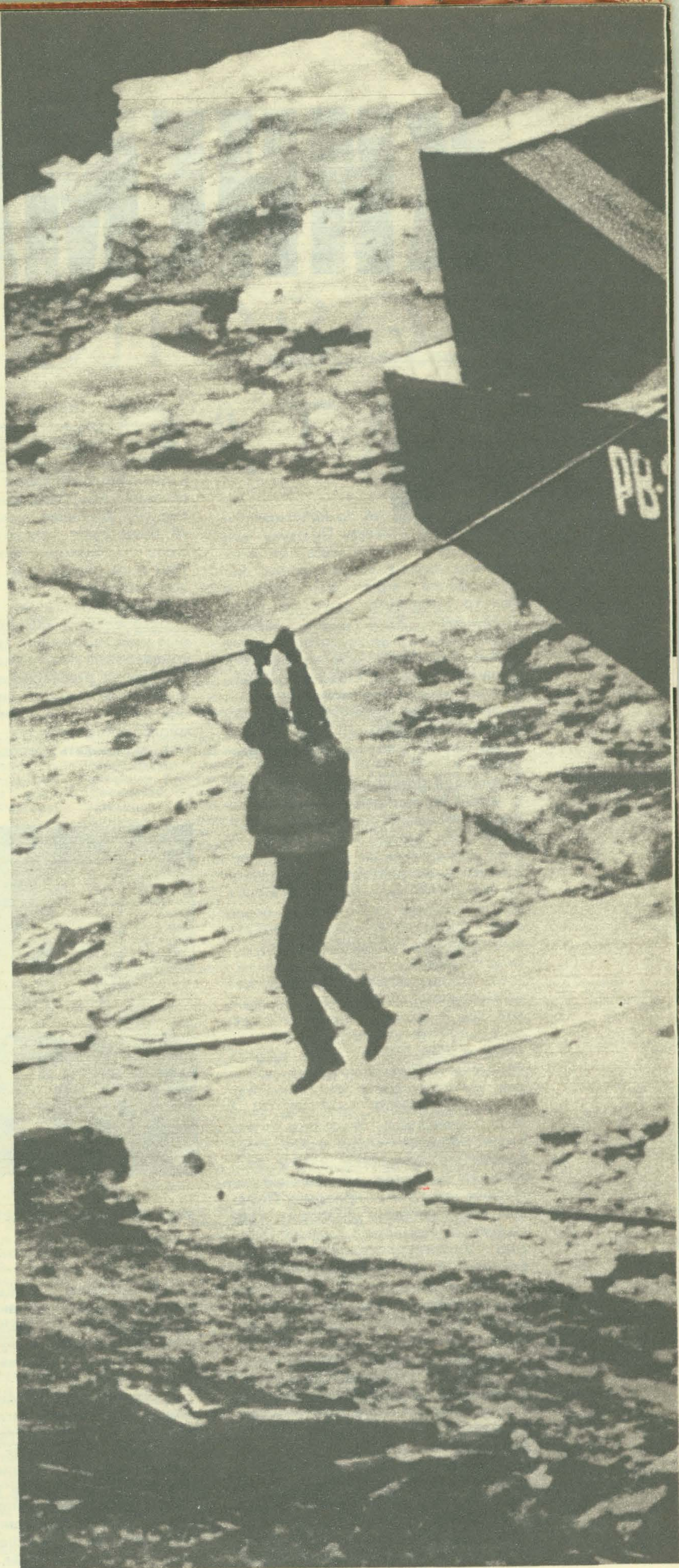
Через день весь флот вышел на чистую воду.

Не одну тонну тола израсходовали взрывники, чтобы оторвать суда от ледяного поля.

ПОБЕГ И

Эти суда уже вне опасности.

Приходилось перебираться и так.

З ЛЕДОВОГО ПЛЕНА

КИНЕМАТОГРАФ СЕ

**Всеволод САНАЕВ,
народный артист СССР**

Я не профессиональный критик, я актер. Поэтому мои суждения о некоторых примечательных чертах современного кинопроцесса могут показаться в чем-то субъективными или даже спорными. Хотя меня нельзя упрекнуть в предвзятости. При оценке каждого просмотренного фильма я всегда стремлюсь быть объективным. Это мое давнее и непреложное правило, которому я следовал неизменно за многие годы своей работы в кинематографе.

Алексей Баталов нашел удачное, с моей точки зрения, определение: «кинематографический год». Календарь здесь ни при чем — этот год длится от одного Всесоюзного кинофестиваля до другого, поскольку именно в это время мы и должны дать оценку всего нами сделанного, выявить коренные принципы развития нашего киноискусства.

По традиции отечественные кинофестивали проводятся весной, вот мы и ведем условный счет: от одной весны до другой.

Нынешняя весна была весной особенной. Давно я не припоминал таких погожих дней, как теперь. Но главное, конечно, не в этом, хотя тепло и солнце тоже радуют сердце человеческое. Особенностью нынешней весны был великий праздник, отмеченный советским народом,—праздник Победы. Тридцатилетие разгрома германского фашизма, когда весь мир вздохнул спокойно после стольких тягот и испытаний, связанных с невиданной в истории битвой добра и зла, отпраздновали народы многих стран, но мы, ветераны, видимо, с удвоенной, утроенной остротой воспринимаем все великое значение и весь нравственный смысл этой святой даты.

Наш кинематограф, а это засвидетельствовано десятками миллионов зрительских откликов, внес неоценимый вклад в решение военной темы. Но самый подвиг народа нашего бесконечен в веках, значит, и киноискусство наше не может успокоиться на том, что достигнуто, и греться лишь в лучах прошлой славы.

К тридцатилетию Победы на экран в нашей стране вышло немало новых художественных фильмов, отражающих борьбу советских людей в огненные годы Великой Отечественной. Среди них «Они сражались за Родину» С. Бондарчука, «Фронт без флангов» И. Гостева, «Помни имя свое» С. Колосова, «Блокада» М. Ершова, «Пламя» белорусского режиссера В. Четверикова... Событиям военных лет посвятил свою работу В. Лысенко,— он поставил на Одесской киностудии фильм «Следую своим курсом», рассказывающий о мужестве моряков-черноморцев в дни многомесячной осады Севастополя. Азербайджанский режиссер М. Дадашев создал картину «В Баку дуют ветры»; она посвящена событиям трудного лета 1942 года, когда враг рвался к советской нефти.

Разумеется, я не смогу даже просто назвать все картины, которые сейчас смотрят зрители и где привлекает уже самое стремление наших режиссеров и сценаристов по-новому прикоснуться к важной теме. Среди последних много таких, кто по возрасту не мог принимать непосредственное участие в боях. Но ведь и эти молодые художники также считают своей важнейшей задачей решение средствами искусства кино нестареющей и неисчерпаемой темы подвига.

Хороши в военных фильмах многие актеры. На мой взгляд, особенно интересна Людмила Касаткина, блестяще сыгравшая основную роль в картине «Помни имя свое». Эта лента, созданная в содружестве с польскими кинематографистами, полюбилась широкой публике не только в нашей стране, а превосходная работа советской актрисы была отмечена специальным призом на фестивале «Гданьск-74».

Как актеру, мне доставила также большую радость точная и уверенная игра Бондарчука в картине Игоря Таланкина «Выбор цели». Кстати, этот фильм на недавнем VIII Всесоюзном кинофоруме, где мне пришлось быть председателем жюри художественных и мультипликационных фильмов, разделил Большой приз с лентой ленинградца Сергея Микаэляна «Премия».

«Выбор цели» — глобальная картина о глобальной же проблеме середины нашего века. Фильм рассказывает о замечательном государственном деятеле, крупном организаторе науки Игоре Васильевиче Курчатове. Справедливо говорится тут о причастности физики к судьбам войны и мира, к судьбам человечества.

Авторы этой ленты использовали распространенный сейчас метод киноромана: фильм построен на свободно развивающемся сюжете и сочетает вымысел с достоверностью фактов. Сюжет не ограничен жесткими рамками хронологической последовательности. Вечно актуальный материал — создание советской атомной бомбы в ответ на угрозу ядерного шантажа — лег в основу повествования, которое объединяет, цементирует фигура Курчатова, подчеркивающая масштаб личности советского ученого.

«Выбор цели». Сергей Бондарчук в роли Курчатова.

«Родник в лесу». Элле Кулль — Минна.

Глядя фильм, понимаешь, что только такой человек-великан и мог руководить работой небывалого размаха и дерзновения, бесконечно верить в успех и поэтому-то добиться в конце концов цели, которая имела поистине неоценимое значение для нашей страны.

В этой картине запоминается И. Смоктуновский, сыгравший роль президента США Рузвельта... Я отметил бы еще несколько других удач в этом фильме, среди них работы И. Соловьева, Н. Бурляева, немецкого актера Фрица Дитца, хорошо знакомого советским зрителям...

Споры идут вокруг картины ленфильмовцев «Премия». Этот фильм тоже нельзя обойти вниманием, говоря о явлениях кинематографического года. Тут привлекает острота в постановке самой проблемы: картина кажется незаурядной, хотя по видимости, по своим постановочным решениям остается весьма скромной.

Мы в искусстве много размышляем сегодня по поводу облика так называемого «делового человека», иной раз считая, что неправомочно ограничиваться только рамками производственного конфликта. Думается, картина Микаэляна тоже по-своему вмешивается в этот спор. И он тут, кстати сказать, не ограничен пределами лишь деловых взаимоотношений. За профессией здесь стоят конкретные человеческие характеры, вбирающие в себя многие приметы нашего времени...

В этом фильме тоже дает себя знать мастерство актерского ансамбля: Микаэлян показал себя при выборе исполнителей режиссером безошибочного чутья. Многих актеров, снимавшихся в «Премии», я хорошо знаю и по их экранным работам и лично. Однако я как бы заново открыл для себя Е. Леонова, В. Самойлова, А. Джигарханяна, Б. Брондукова, М. Глузского, В. Сергачева...

Сюжет фильма прост: все начинается с того, что лучшая бригада строительного треста во главе с бригадиром Потаповым, или попросту дядей Васей (Е. Леонов), отказалась от премии. Почему? Этот вопрос и выносится на заседание парткома. И вот оно идет, это заседание, где кадр за кадром, реплика за репликой раскрывается психология людей, отношение их к труду и друг к другу... Все действие происходит, по существу, в одной декорации, но картина не становится от этого скучной, не надоедает. Хотя, повторяю, и не остается бесспорной.

Я сердечно радуюсь успеху молодой эстонской актрисы Э. Кулль,

ГОДНЯ

которая раньше была известна лишь сравнительно небольшому кругу театральных зрителей в своей родной республике. Эта актриса отлично сыграла главную роль в фильме Лейды Лайус «Родник в лесу», снятом по роману В. Саар «Хозяйка Укуару».

Меня полностью убедила неторопливая, добротная манера кинорассказа, которую выбрали авторы этой строгой, стилистически завершенной ленты. Юность героев — лесоруба Акселя (Л. Ульфсак) и его будущей жены Минны — падает на годы буржуазного режима в Эстонии. Недолгое счастье молодой семьи обрывается с нашествием фашистов на нашу страну. Крохотный хутор, затерянный в лесной чащобе, непрестанная работа на бедных делянках, забота о хлебе насущном — такова неяркая бытовая оправа того существования, которое ведут добровольные отшельники — Минна и ее муж. А рядом с этим — чистое, преданное чувство героев, рождение детей; суровая красота краснолесья; и как символ обновления жизни, вечного ее биения — незамутненный родник, денно и нощно роющий песок неподалеку от хутора.

Я отметил бы еще одного актера — Виктора Чутака, который снялся в фильме режиссера В. Гажиу «Долгота дня». Ведущий артист молдавского кинематографа, Чутак в последнее время работает очень интенсивно. Сценарий картины «Долгота дня» создавался специально для него; на студии даже и сомнений не было, что актер сумеет сыграть человека, который появляется на экране двадцатилетним, а расстаемся мы с ним, когда герою уже стукнуло семьдесят.

Содержание жизни Штефана Бардэ — так зовут героя В. Чутака — оценивается долготой дня человеческого, его духовной наполненностью. Ибо известно: и за один день можно иногда прожить целую жизнь. Тогда как подлец не может похвастать даже часом единым, прожитым по-настоящему.

Положительный опыт современного советского кино снова и снова подтверждает, что подлинный успех у миллионов зрителей вероятен лишь в том случае, если художник, изучив жизнь народную, отображает ее в глубоких и емких проявлениях, правдиво и творчески увлеченно.

Конечно, искусство кинематографа, как всякое другое, не может знать одни только удачи. Недаром в спорте говорят: от поражений не застрахованы даже чемпионы! Но справедливо и то, что для всех нас было бы лучше, если бы кинематограф насчитывал еще больше высоких успехов, еще больше крупных побед.

СЛОВО БРАТА

Для нас исполнены особого смысла слова о том, что в ходе строительства социализма и коммунизма в СССР возникла новая историческая общность людей — советский народ. Ежедневно воочию мы видим проявление и плоды этой дружбы. В богатстве наших республик, в совместном гигантском труде на стройках пятилеток, в расцвете национальных культур.

О том, как возникает и из чего складывается эта новая общность — советский народ, о дружбе и братстве наших народов, о взаимопроникновении и взаимообогащении национальных культур увлекательно рассказывается в новой книге Юрия Рытхэу «Под сенью волшебной горы».

Однако, прежде чем начать о ней разговор, хочется обратиться к недавнему прошлому, к тем февральским дням 1975 года, когда в Маниле (Филиппины) проходил международный симпозиум Ассоциации писателей стран Азии и Африки на тему «Литература и подрастающее поколение». Выступавший там Ю. Рытхэу сказал: «...Я учился по букварю — первой книге в истории нашего арктического народа,— который был издан в 1934 году... Мальчик моего детства как бы одновременно жил в разных временах, и утром, отправляясь в школу, он перешагивал через тысячелетия, выходя из древнего своего жилища — яранги... Тут мы впервые видели родное слово, напечатанное настоящими черными буквами и от этого ставшее поначалу каким-то чужим, незнакомым, как неожиданно вдруг меняется человек, надевший иную, непривычную одежду.

Эта воистину культурная революция произошла на всем огромном протяжении Советской Арктики. Создание нового общества вызвало потребность и в новой литературе. И здесь огромную роль сыграла великая русская литература, которая стала доступна нам благодаря переводам и знанию самого русского языка».

Два абзаца из речи писателя могли бы стать аннотацией к его книге, одна из особенностей которой — современность, редкая созвучность эпохе. О возникновении собственной литературы у некогда бесписьменных, отсталых народов, и в частности литературы чукчей, о значении русского языка в строительстве новой, социалистической культуры, в объединении народов в одну дружную семью — мысли именно об этом главенствуют в книге. И хотя в ней два разных по жанру произведения: первое — не подчиненная строгому построению книга фактов и размышлений по их поводу, второе — сюжетная повесть,— оба они связаны единством идейной основы, и второе как бы является следствием, продолжением первого, в нем идея дружбы русского и чукотского народов получает достойное художественное воплощение.

Автор обозначил жанр первого произведения, давшего название всей книге, как «Путешествия и размышления». Да, есть здесь и путешествия, и экскурсы в историю, этнографию, и многое другое, но все же это наряду с доброй долей отличной и боевой публицистики — отчетливо просматриваемая автобиографическая повесть. Повесть о чукче, сыне небольшого северного народа, ставшем гражданином могучей многонациональной державы, писателем, который, однажды выучив и полюбив русский язык, сделал его не просто средством общения, но больше — литературного творчества... Личный жизненный опыт автора, родившегося уже при Советской власти, совпадает с современной историей его народа, а это, в свою очередь, неотделимо от знакомства с русской культурой. Так документальное повествование о детстве и отрочестве, учебе в Ленинграде, поездках за рубеж сливается с поэтическими размышлениями о значении помощи русского народа-брата в преодолении отсталости, в развитии национальных культур всех без исключения народностей.

«Я никогда не устану повторять истину, ставшую очевидной, что народы Севера спасены Великой Октябрьской социалистической революцией,— пишет Ю. Рытхэу.— А ведь дело шло к печальному концу. За примерами ходить далеко не надо. По ту сторону Берингова пролива, на Аляске и в Северной Канаде, это уже происходит и произошло». На многочисленных фактах, собранных во время зарубежных поездок, автор демонстрирует показную заботу о северных народах в странах капитализма которая на деле оборачивается полным забвением их национальной культуры, ведущим к безграмотности, нищете и вымиранию аборигенов.

«Гуманизм Великого Октября по отношению к малым народам еще до конца не исследован и не оценен»,— продолжает автор и подчеркивает, что потребовалось создание качественно нового общества, чтобы народы Севера обрели новое историческое будущее.

Современно и по-боевому выступает автор, когда он ратует за взаимообогащение как единственно верный путь развития всех национальных культур или когда объясняет сторонникам языковых барьеров и «чистопородности», почему одним из закономерных явлений новой советской культуры стало появление национальных писателей, пишущих на русском. «Не теряя ни грана своей национальной самобытности, эти литераторы сами вносят в русский язык, ставший не только общегосударственным языком нашей страны, но и языком общей советской культуры, свой вклад».

Логично включение в сборник и повести «Дорога в Ленинград», которая тоже в какой-то мере отражает личный опыт автора. Фабула ее во многом опирается на тезис о неизбежности ассимиляции среди братских народов в ее различных формах. Героиня повести, чукотская девушка выходит замуж за русского рабочего парня-ленинградца. Читатель увидит в этом произведении, богатом национальным колоритом, деталями современного быта чукчей, прежде всего разговор о проблемах, возникающих одновременно с этим явлением нашего времени, почувствует искреннюю взволнованность автора, как бы вместе с читателями наново увидевшего разительные перемены в жизни своего народа. Особенно ярко это воплощено в образах родителей девушки — Иунэут и Кайо.

Партийность и страстная принципиальность, глубина коммунистического мировоззрения позволяют автору и говорить об интересах и нуждах угнетенных народов Севера в странах капитала и прославлять главный итог завоеваний социализма — дружбу и процветание народов, и в том числе чукотского, в условиях советской действительности. Сегодня, когда кликуши из различных «радиосвобод» все еще силятся доказать отсутствие национальных свобод у нерусских народов, прочувствованное свидетельство чукотского писателя, убедительно выразившего и словом публициста и художественными образами идею непреходящей дружбы и братства советских народов, в высшей степени злободневно. Рядом с «волшебной горой» — таков поэтический образ-символ русской культуры у автора — растут и крепнут социалистические национальные культуры народов СССР. Выход произведения Юрия Рытхэу еще раз подтверждает эту истину.

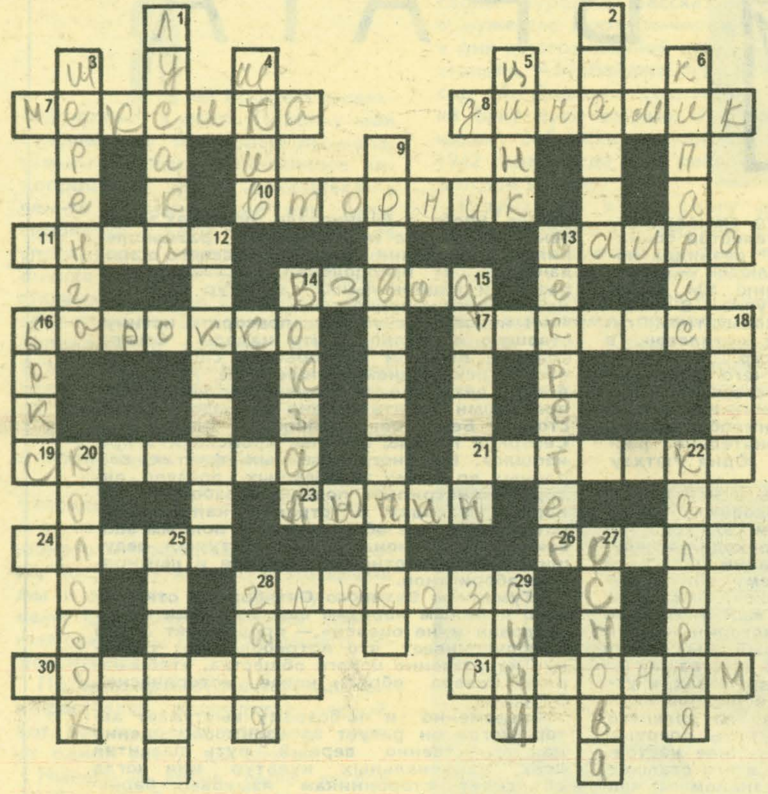
Ю. НОВИКОВ

Юрий Рытхэу. Под сенью волшебной горы. Л., «Советский писатель», 1974, 328 стр.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Государство в Северной Америке. 8. Громкоговоритель. 10. День недели. 11. Река в Швеции. 13. Тихоокеанская промысловая рыба. 14. Войсковое подразделение. 16. Архитектурный стиль XVI—XVIII веков. 17. Областной центр в РСФСР. 19. Отрезок прямой, ограничивающий геометрическую фигуру. 21. Пьеса А. Н. Островского. 23. Вьющееся растение. 24. Приток Днепра. 26. Музыкальный инструмент. 28. Виноградный сахар. 30. Этюд для пения. 31. Слово, противоположное по значению другому слову.

По вертикали: 1. Столица Замбии. 2. Водопад в Финляндии. 3. Военный строй. 4. Колесо, передающее движение приводному ремню. 5. Металл. 6. Вечнозеленое хвойное дерево. 9. Комедия И. С. Тургенева. 12. Порт на Каховском водохранилище. 13. Письменный стол с закрывающейся крышкой. 14. Станционное здание. 15. Птица семейства тетеревиных. 16. Вид спорта. 18. Французский физик. 20. Русская народная сказка. 22. Внесистемная единица количества теплоты. 25. Действующее лицо оперы А. Г. Рубинштейна «Демон». 27. Продольные нити в ткани. 28. Норвежский композитор. 29. Таджикский писатель, ученый.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 6. Шостакович. 8. Миндоро. 9. Титовка. 11. Чита. 13. Жалейка. 15. «Ипполит». 17. Аксуат. 19. Абитуриент. 22. Алголь. 25. «Кочегар». 27. Вазелин. 28. Пуна. 29. Медянка. 30. Печорин. 31. Контральто.

По вертикали: 1. Слобода. 2. Пристли. 3. Строчок. 4. «Полтава». 5. «Зритель». 7. Секвойя. 10. Бадминтон. 12. Кинология. 14. Казарка. 16. Плотина. 17. Афиша. 18. Трель. 20. Кремень. 21. Гречиха. 23. Лопасть. 24. Луапула. 25. Рангоут. 27. Вучетич.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Встреча избирателей Бауманского избирательного округа столицы с товарищем Л. И. Брежневым.
Фото Ю. Абрамочкина, АПН.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сильнейший пловец Европы Николай Панкин. Футбол — игра атлетическая. Бег — основа легкой атлетики. Конный спорт — бесстрашие, ловкость. Ручной мяч — игра популярная.
Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 2/VI — 75 г. А 00599. Подп. к печ. 17/VI — 75 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1495. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 661.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Н. ЛЕЙКИН

ВСЕГДА М

Молодо, увлеченно, зажигательно играют сегодня вахтанговцы «Фронт» — знаменитую пьесу Александра Корнейчука, хотя более тридцати лет прошло с той поры, как была она опубликована на страницах «Правды».

Постановщик нового «Фронта» Евгений Симонов принял идейную, творческую эстафету от своего отца, Рубена Николаевича Симонова, давшего жизнь пьесе Корнейчука на вахтанговской сцене в годы войны. Но это отнюдь не простое возобновление старой постановки. Это — плодотворное продолжение, развитие гражданской, художественной традиции театра.

Сегодняшняя современность «Фронта», естественно, не в той опасности, которую представлял когда-то Горлов.

Горловщина с ее военным и нравственным консерватизмом, самовлюбленностью и зазнайством уже ушла. А вот сила, победившая горловщину, разглядевшая тогда эту опасность и решительно, бесповоротно ее осудившая и устранившая,— эта сила и сегодня живет, борется, побеждает; могучая сила партии и народа в их кровном, неразрывном единстве; сила, поддерживающая все новое, передовое и этим обеспечивающая поступательное развитие социалистического общества.

Театр славит ее крупно, широко, публицистически горячо и благодарно. В этом прежде всего созвучность нашему времени нового спектакля вахтанговцев.

Отсюда же и так высоко в нем поднятая, обобщенная до символа тема воюющего народа. Олицетворяющие его героические гвардейцы-«апостолы», соответственно пьесе действовавшие в прежней постановке лишь в одной картине, ныне рассредоточены режиссером по всему спектаклю.

Крепко спаянная в одну боевую семью, маленькая интернациональная ячейка нашей армии, нашего государства — русский сибиряк сержант Башлыков — Ю. Потемкин, украинец сержант Остапенко — А. Галевский, грузин младший сержант Гомелаури — В. Коваль, казах младший сержант Шаяметов — Э. Зорин во главе со своим славным командиром Сергеем Горловым — его играет Е. Карельских — проходит через все действие, лицом к лицу со зрителем в своих думах, мечтах и надеждах; в своем пламенном советском патриотизме; в своей готовности стоять насмерть и разгромить врага. И это сообщает особый, глубокий смысл той жизненной диалектической борьбе нового со старым, что составляет его драматическую коллизию, его конфликт.

Как-то особенно ясно понимаешь: генералы Огнев — В. Лановой и Колос — Г. Абрикосов, член военного совета Гайдар — В. Этуш, политработник Орлик — А. Граве, директор авиазавода Мирон Горлов — Н. Тимофеев потому-то и берут в этом конфликте верх, что за ними — народ. Их близость, их связь с народом — подлинная. А показная «народность», которой самоупоенно, так же, как своими бывшими заслугами, кичится командующий фронтом Иван Горлов,— мнимая.

Ивана Горлова играет Михаил Ульянов. Со всей мощью своего взрывного темперамента и мастерства перевоплощения артист развенчивает человека, безнадежно отставшего от жизни, от насущных задач и требований времени.

Ульянов поистине беспощаден в сатирическом обличении чванства, нетерпимости, политической слепоты и властолюбия. Моментами актерский рисунок Горлова — его тупого упрямства и грубого самодурства — приближается к шаржу. Но шаржу реалистическому, поражающему богатством, меткостью и точностью жизненных деталей и красок.

Конфликт Горлова с полководцем новой формации Огневым, которого столь же темпераментно и целеустремленно играет Василий Лановой, глубоко принципиален: он отчетливо показывает неспособность людей, подобных Горлову, осознать смысл и значительность перемен, происходящих вокруг, несостоятельность и пагубность попыток жить прошлым в настоящем.

Суд, который режиссура и весь театр мощно и крупно вершат над Горловым и горловщиной, публицистически обобщен. Он подкреплен и освящен возникающими в глубине и вышине сцены страницами «Правды» со сводками Совинформбюро и фрагментами из пьесы Корнейчука, алым победным стягом в финале (художник И. Сумбаташвили), включенными в музыкальную партитуру спектакля песнями и мелодиями тех незабываемых лет (композитор Л. Солин)...

Много спектаклей посвятили столичные театры 30-летию Великой Победы. «Фронт» у вахтанговцев стал одним из самых ярких и значительных.

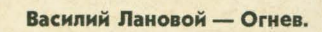

Солдаты «Фронта»...

Михаил Ульянов в роли Горлова.

Василий Лановой — Огнев.

Фото А. Награльяна

ОЛОДОЙ «ФРОНТ»

Сцена из спектакля.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.